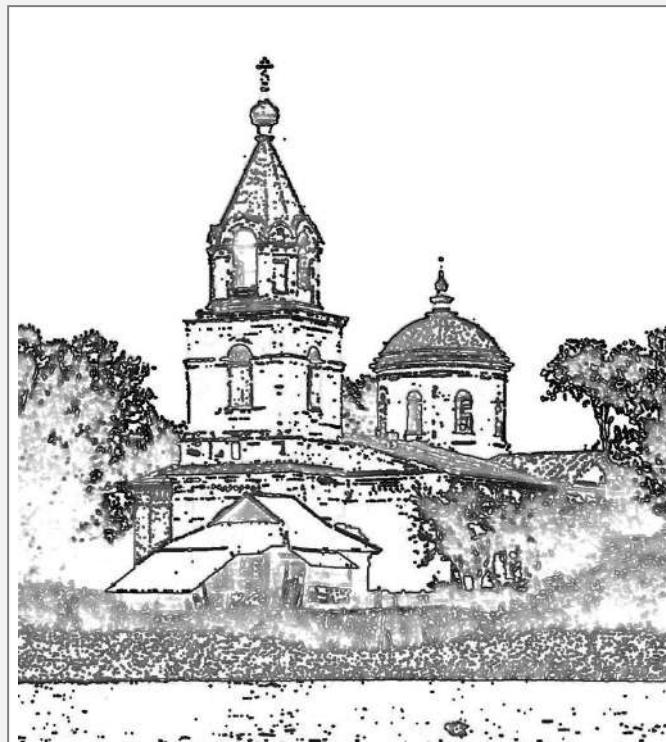

Н.А. Архангельский

Из истории Удомельского края
(статьи из газет)

г. Удомля

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В сборник включены статьи удомельского краеведа Н.А. Архангельского, опубликованные в различных газетах в 1989-1999 гг. Некоторые из представленных материалов в дальнейшем были включены автором в состав его книг «История Удомельского района», а некоторые статьи являются отдельными очерками.

Работы Н.А. Архангельского, посвященные прошлому удомельского края, проникнуты заботой и тревогой автора о настоящем и будущем родной стороны. Как наказ, звучат слова Николая Арсеньевича: *«Надо хранить историю и учиться на ее примерах. Надо помнить, где истоки нашей жизни, где могилы наших предков и великих представителей нашей земли. И не надо быть «Иванами, не помнящими родства».*

Статьи сборника располагаются в хронологическом порядке по дате публикации в газетах. Часть их проиллюстрирована мною подходящими по теме фотографиями и репродукциями, а также даны комментарии, отражающие изменения, произошедшие со времени издания статей.

Все газетные статьи Н.А. Архангельского предоставлены А.Б. Крючковым из личного архива, за что выражаю ему свою благодарность.

На обложке использовано фото А.Львова «Троица. 1977 год».

Татьяна Петрова
2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Название статьи	Стр.
Что значит «Удомля»?	4
Археологические памятники	8
Из глубины веков	10
Счетковая путина	12
Удомля: что означает слово это?	14
Помнить истоки жизни	16
Еваново	18
Земля вставала на дыбы	20
Наша история – наше достояние (О культовых памятниках Удомельского района)	23
Путешественник из Тараков	26
Храм на меже	28
Первое упоминание об Удомле	30
Земля Удомельская (Упоминания в первой Новгородской летописи)	31
Берестяные грамоты в Удомельском крае	33
Котлован	35
О женском Удомельском монастыре	37
Таинственный Храм на озере Кезадра	38
Ещё раз об академике Заварыкине	42
А что у нас под ногами?	43
Звучание души народной	46
Река Съежа	48
Административная быль земли Удомельской	50
Слободка	55
Стан	58

Что значит «Удомля»?

Родину люди с детства воспринимают как естественное и обязательное окружение и не определяют к ней своего отношения до тех пор, пока какое-нибудь внешнее потрясение не раскроет всю глубину этого понятия. До Великой Отечественной войны Родина была для нас в домашнем тепле, дождливом лете, в глубоких сугробах, то есть в нашем непосредственном восприятии. Но началась война, и уже солдат защищал не просто землю, где рос для него хлеб, не просто печку, которая согревала его в родительском доме, но и будущее этой земли — своих детей, и прошлое — своих родителей и далеких предков, защищал истоки своего бытия.

И призывы защищать Родину становились приказом земли, голосом совести, результатом понимания того, что ты сам есть частица этого всеобъемлющего, живущего в сердце и в сознании понятия и должен лечь костями или победить, потому что без Родины нет тебя, нет Человека.

А когда кончилась война, захотелось знать о Родине больше, чем мы видим и слышим. Нужно было взять, образно говоря, лопату и докопаться до тех глубинных слоев истории, где начинаются самые древние корни родной земли и нашего народа: и как эти корни идут к нашему времени, как они называются и что несут в себе к верхним ветвям родословной нашего славного города Удомля? Так возникла задача: что означает слово «УДОМЛЯ» и от каких времен оно идет?

Удомля для нас начиналась с детства, когда мы еще не умели считать годы. Потом выяснилось, что наши деды тоже жили в Удомле и даже раньше того, когда станция на железной дороге называлась Троицей. В начале XX века Троицу переименовали в Удомлю по названию волости, где она располагалась. А Удомельско-Рядская волость называлась по деревне Ряд на берегу озера Удомля. Все это было так близко в пространстве и во времени, что 500-летие первого летописного упоминания Удомли, которое отметили в 1978 году, было для нас, как гром среди ясного неба. Пятьсот лет могло быть Москве, Киеву, но чтобы столько лет было записано в паспорт нашей Удомли!.. Невероятно! Но факт пятисотлетия записан в летопись, что, как известно, не вырубешь топором, юный город с древней и еще не написанной биографией отпраздновал удивительный юбилей, а я решил покопаться в истории, чтобы теперь поделиться с земляками результатами многолетних поисков на тему: что есть Удомля.

Названия на географических картах называются топонимы. Было найдено 40 топонимов, оканчивающихся, как и Удомля, на -мля и близкие к этому -мль, -мель, -милъ. Много это или мало? Если учесть, что в «Указателе географических названий Атласа мира» 1954 г. помещено 205 тысяч топонимов, и там найдено только 30 нужных, то, конечно, мало. Из других источников с многими тысячами топонимов набралось еще 10. Название типа «Удомля», как видно, достаточно редко встречается. Назову для иллюстрации такие топонимы в Калининской области: Удомля, Итомля, Лощемля, Сукромля, Гордомля, Годомля, Кочемля, Солодомля, Суломля, Кидомля, Хотемля. Посмотрите на карту области и сразу на ней обнаружите первые четыре топонима. Остальные найдутся на более подробных, районных картах.

Все 40 топонимов рассыпались по Европейской части СССР от Онежского озера на севере до Прикарпатья на юге, от нашей западной государственной границы до Чувашии на востоке. И только 4 топонима попали за границу: в Польшу, в Болгарию, в Югославию. Хотя и говорят, что нет правил без исключения, в жизни всякие исключения есть

нарушения правил, о чем не следует забывать при любом серьезном исследовании. В нашем случае все топонимы без исключения располагаются на землях, где народы говорят на славянских языках.

Теперь самое время сделать небольшую экскурсию в древнюю историю. Наибольшее распространение в мире имеют языки, принадлежащие к так называемой индоевропейской языковой семье. Прародиной индоевропейцев считается территория вокруг Черного моря. Это было 628 тысяч лет тому назад. В течение многих столетий индоевропейцы расселялись на огромном пространстве Евразии от Пиренеев до Индостана, при этом единый язык с диалектными различиями из-за длительной разобщенности расселяющихся племен стал разделяться на отдельные языки, а позднее и на группы языков. 4-5 тысяч лет тому назад обособились древние греческий, фракийский языки, 1000 лет спустя появились италийский, кельтский, иллирийский языки. 2000 лет тому назад появились первые упоминания о славянах, отошедших от фракийцев и живших в бассейне реки Вислы и восточнее ее. В 1 тысячелетии н. э. происходит обособление славянских языков на южно-, западно-, восточнославянские. И уже в XIII—XVII веках нашей эры из общего восточнославянского происходит обособление русского, украинского и белорусского. В результате смешения славянского с финно-угорским языком образовалась примерно 15 столетий тому назад группа прибалтийских языков.

На территории Калининской области и в том числе Удомельского района древняя история может быть представлена приблизительно так: первыми жителями здесь, были какие-то индоевропейские племена. Затем на эту же слабо заселенную территорию пришли финно-угорские и прибалтийские племена и, наконец, в V—VI веках нашей эры сюда пришли восточнославянские племена. Они и стали основой древнерусской народности, создавшей богатую культуру и государственность на восточнославянской языковой общности.

Все народы, жившие на нашей земле, даже не имевшие письменности, оставили свои следы в названиях рек, озер, возвышенностей, болот, деревень, пустошей. Конечно, время некоторые названия изменило, приспособило к языку вновь пришедших народов. Найти современное значение топонима, т. е. его эквивалент — дело очень сложное!.. Но найдены способы расшифровки этих названий наукой «Топонимика», и теперь по ним дописывается история.

Удо—мля! В этом родном названии нет никакого намека на русское, славянское слово. По звучанию разгадать его смысл не удастся. Здесь всегда вспоминаются примеры т.н. вульгарного толкования некоторых топонимов. Шла некая барынька по берегу древней реки, оступилась и воскликнула: «Я хрома». И вроде объяснилось название подмосковной речки Яхромы. Лез башкирский хан на вершину горы, запыхался и выдохнул: «Уф—а!». Так и называли якобы на этом месте город Уфой. С Удомлей даже такой способ объяснения не срабатывает.

Чтобы разобраться в смысле слова, разделим все топонимы на первую и вторую части. Например: Удо—мля, Ито—мля, Лоше—мля, Сукро—мля. В русском языке сочетание МЛ встречается сравнительно редко. Например: зеМЛЯ, соМЛеть, МЛадший, креМЛЬ. Как говорится, «наощупь» чувствуется в этих словах далекая старина. Сочетание МЛ встречается и в польском языке: Млеко — молоко, МЛечь — молотить, МЛаскачь — чмокать, чавкать. В неславянских языках такое сочетание не встречается. Вроде бы здесь все славянское, но опять ничего не понятно. Тогда обратимся к фонетике. Особенностью восточнославянских языков является т. н. полногласие. Там, где в праязыке не было полногласия, в восточнославянском оно возникало. Например: старое ВРАТА — теперь ВОРОТА, ЗЛАТО—ЗОЛОТО. То же самое происходило и с сочетанием МЛ. Например: зеМЛЯ — земельный, Млад — молод и т. д. Таким образом старинное МЛ со временем может превратиться в МОЛ, МЕЛ, МИЛ, МУЛ, МЛЬ. Среди отобранных топонимов есть ЛюбоМЛЬ (Волынская обл.), ГоМЕЛЬ, РыдоМИЛЬ (Тернопольская обл.). Все эти вторые части одного происхождения. В украинском языке есть слово МУЛ — ил. В польском

МУЛ — ил, тина, намыв. А в литовском языке, сохранившем частично славянские корни, находим МОЛИНАС — глинистая земля и МУЛВЫНЕ — тинистое место.

В немецком языке, имеющем с нашим очень далекое родство, есть МУЛДЕ — лощина, низина, котловина, впадина, углубление, а в английском МОУЛД — почва. На этом основании можно утверждать, что МЛЯ есть древнейшая форма слова, означающего место с понижением, может быть, и просто МЕСТО, раз его следы обнаруживаются в столь разных языках. Если славяне появились в 1 тысячелетии до н. э., отделившись от германских и других племен, то МЛЯ появилось раньше 1 тысячелетия до н. э. и, претерпев изменения в разных языках, сохранило в общем-то одинаковый смысл.

Теперь рассмотрим первую часть слова. Так как ни в русском, ни в других славянских языках первая часть не имеет эквивалента, мы обратились к «двоюродному брату» — литовскому языку. Оказалось, что большинство отобранных топонимов имеют перевод первой части после реконструкции, т. е. снятия тысячелетних наслоений. Например: ито — истус — копье, пика; лоще — лушна — избушка; сукро — санкрыжа — перекресток и т. д. Значит, Итомля — место, похожее на копье, Лощемля — место, где избушка, Сукромля — место, где перекресток.

Первая часть родилась в то время, когда прибалтийские и славянские племена еще не разделились и говорили на одном языке. Это было более 3000 лет тому назад.

К сожалению, УДО в литовском языке эквивалента не имеет. И все-таки у «двоюродного брата» нашлось интересное слово УДРА — выдра. Жители Удомли должны знать, что южная часть озера Песьво называется Удорским заливом, а железнодорожный мост в том месте — тоже Удорским. Почему? Может быть, они означают Выдринский залив и Выдринский мост? Все может быть. Но когда по-русски говорим ВЫДРА, современное ухо хорошо слышит слово ГИДРО — латинского происхождения, которое было взято из древнегреческого УДОР — вода. И тогда литовское УДРА — не просто выдра, а поточнее — водяное животное.

Но как греческое название попало в окрестности Удомли?

И опять вернемся к нашей экскурсии в историю. Было время, когда будущие греки, литовцы и славяне говорили на одном языке. И тогда они называли место южного залива озеро Песьво словом УДОР — вода. А теперь недалеко и до УДО. Это слово относится к еще более древнему слою языковой истории и тоже означает «вода» на индоевропейском языке. Таким образом, Удомля переводится как место, где вода.

Древние люди не называли природные объекты отвлеченными названиями. Они просто их называли Вода, Гора, Берег, Тропа, иногда различая их на большие и малые, высокие и низкие. Поэтому на картах часто встречаются близкие по звучанию первой части Удомля водные, объекты (гидронимы), закрепленные в человеческой памяти с древних времен: реки Уда, Удай, и несколько переименованные названия, в которых Д заменилось на Ж (как ходить — хожу) — УЖ, Ужа, Ужава. Отсюда Ужгород — город на реке Уж, город на воде. Есть у нашей Удомли и великие «однофамильцы»: реки Дон, Днепр, Днестр тоже в первоначальном виде переводятся как «вода».

Каков же возраст названию Удомля? Если древнегреческий язык уже существовал 4—5 тысяч лет тому назад, то надо идти дальше в древность, когда не было обособления этого языка. И тогда мы встретим слово «удор». И надо идти еще дальше, чтобы дойти до «удо». Одним словом, это было задолго до древних греков!

В газете «Путь Октября» от 30 сентября 1986 года археолог В. Сидоров в статье «С нами говорит история» пишет, что на берегах озер Удомля, Песьво и Съюча раскопки дали материал, позволяющий судить о жизни человека в этих местах 8—12 тысяч лет тому назад.

Теперь трудно судить, кто и когда первым сказал «Удомля». Может, это был охотник каменного века, который приходил на берег знакомого озера и после изнурительных походов жадно пил воду — удо. Или каменотес, изготавливавший каменные наконечники и топоры, смачивал разбитые руки в воде — удо. Они не вели

календарей, не считали годы, но знали, что есть вода — удо, которой можно утолять жажду; есть место, где вода — Удомля, и там можно жить. Это было очень давно. И это название они передавали своим детям, внукам, новым племенам, приходившим на их место, новым народам, пока оно не дошло до нас. Это название представляется кусочком древнейшего фундамента, на котором создавалась история родного края. Это название устояло в течение тысячелетий под натиском других названий, которые могли дать приходящие и уходящие племена и народы, под влиянием событий, потрясавших нашу землю, под действием неумолимо движущегося и все изменяющего Времени. И может ли быть что-нибудь дороже и роднее, чем все пережившее, перед всем выстоявшее древнее имя твоей родины! И хранить имя ее надо бережно и достойно.

В наше время, когда человек может очень многое, надо быть особенно внимательным и дальновидным, чтобы каким-то непредвиденным действием или словом не разрушить тысячелетнее творение родной земли, ее имя — Удомля.

И еще одна проблема: как называются жители Удомли? Удомельцы? Районная газета выпускает страничку для женщин «Удомеляночка». Значит, удомельская женщина — удомелянка? А мужчина — удомелянин? В одной из рукописей XI века жители Содомли названы «содомляне»! Может быть, и жители Удомли — удомляне, мужчина — удомлянин, женщина — удомлянка, а газетная страница для женщин — «Удомляночка»? Это тоже достойно внимания говорящих и пишущих.

От составителя: - Продолжение темы в статье «Удомля: что означает слово это?» на стр. 14.

Археологические памятники

История территории Удомельского района началась по существу всего каких-то 12—14 тысяч лет тому назад. До этого последнее Валдайское оледенение, пропахавшее поверхность земли мощным ледовым плугом стерло всю предыдущую здешнюю историю. Потом, отступая на север, оно оставило на мертвой земле горы гальки, валунов, глины и песка. Все это, порожденное и принесенное ледником, сейчас строители берут без счета в карьерах, врезавшихся в озовые и моренные гряды. Потребовалось не одно тысячелетие, чтобы на раздавленной ледником поверхности появилась жизнь, появился хотя бы тонкий слой тундровой почвы, послужившей основой для произрастания ольховых, а затем хвойных лесов.

Человеческая история началась здесь примерно 8 тысяч лет тому назад. Люди каменного века, уже применявшие лук, стрелы, лыжи и сани, начинавшие осваивать рыболовство с плотов и лодок, оставили на нашей земле следы в виде стоянок. Они находятся около деревень Гайново, Ряд, Вакарино, Заселище (на р. Тихомандрица), Галичино (на р. Волчина-Межица), Курово, Ханеево, Доронино, Млево. Люди нового каменного века (5—3 тысячелетие до н.э.) оставили на стоянках более совершенные орудия охоты и быта. Там найдены каменные топоры, глиняная посуда. Это обнаружено как у вышеназванных деревень, так и у Каменки, Троицы, Стана, Акулова, на берегах озер Волчино, Наволок, Молдино.

Время 3—2 тысячелетия до н. э. отмечено на Удомельской земле как бронзовый век. В эту эпоху люди уже овладели скотоводством. Развивается культура погребений. Через 1-2 тысячи лет здесь появится железо, элементы подсечно-огневого земледелия. Что это были за люди? На каком языке они разговаривали? Как они повлияли на нас, на сегодняшний день, на наш язык и культуру? Трудно сейчас обо всем этом говорить. Можно лишь утверждать, что ещё 3 тысячи лет тому назад здесь жили финно-угорские племена, по языку близкие карелам, удмуртам, мордве. Через полторы тысячи лет, в VII—VIII веках н. э. сюда придут славянские племена, построят деревни, отвоюют у непроходимой тайги поля, а в центре возведут новый город. И будут они прозываться новгородскими словенами. И вместе с ними будут жить иноязычные племена, которых словене назовут весью. Жить между собой будут мирно: тайги и воды в заболоченном краю, не густо заселенном, хватало всем. Будут обмениваться умением добывать хлеб насущный, общаться духовно, возможно иметь смешанные браки. Не зря теперешние коренные удомляне русы волосом, светлы глазами в отличие от кровных родичей, проживающих на Украине, в Болгарии. О том, как жило, боролось за существование здешнее население, как создавалась база культуры древнерусского народа, какие силы помогали ему устоять перед всемогущей равнодушной природой, могут рассказать археологические памятники: вышеупомянутые стоянки, погребения в виде сопок и курганов, места древних поселений — городища и селища. Всего археологических памятников на территории района насчитывается 140 — настоящий музей! К сожалению, музей пока закрыт. Чтобы открыть его, нужна кропотливая работа специалистов-археологов по тщательнейшему изучению содержимого всех археологических памятников. Но беда в том, что в районе в летний сезон работают только два археолога, и, естественно, на исследование всех памятников потребуются десятки лет. В связи со строительством КАЭС было решено вести раскопки только в зоне строительства и на

берегах озер, которые будут затоплены при подъеме воды. Но и в этом случае археологи не успевают за темпами стройки. Археологические памятники начинают попадать под нож бульдозера, под затопление и погибают, навсегда унося с собой тайну прошлой жизни, породившей все, что есть на Удомельской земле, в том числе и нас, жителей XX века нашей эры. В начале 1988 года были уничтожены две стоянки и две сопки — захоронения, северо-восточнее молочного завода. Сейчас земснаряд, работающий близ деревни Акулово, возможно уже уничтожил селище XI—XIII веков и несколько стоянок 3-го тысячелетия до н. э.

Что это — расхлябанность, невежество, неосведомленность или вообще некомпетентность? Ведь существует определенный порядок подготовки строительства, правила его ведения. Есть документы, согласованные и подписанные многими ответственными подписями, есть законы, которые все без исключения обязаны выполнять, в том числе Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», есть, наконец, порядочность и совесть. Земля, которую строители привыкли рассматривать только в виде некоего объекта, который нужно перелопатить, переместить, имеет, оказывается, иную ценность. Она несет в себе информацию о нашем первородстве. В ней — наша история, культура, мораль, корни растущего на ней нашего будущего. И сохранить все археологические памятники, по крайней мере, до тех пор, пока не вскрыет их археолог, есть всеобщая задача, начиная от начальника стройки до непосредственных исполнителей — бульдозеристов и экскаваторщиков.

Из глубины веков

Мы так приросли к родной земле, что кажется не только мы, но и наши предки от создания мира жили здесь в вечных хлопотах о хлебе насущном. Но славяне появились в наших местах только в VI— VIII веках н.э., всего каких-то 1200—1400 лет тому назад. Пришли с юга по Днепру, перебрались на реки Балтийского бассейна, расселились вокруг Ильменя, добрались и до Удомли. Это не было движением военных отрядов. Шло мирное расселение т. н. ильменских словен по слабо заселенной территории. Признаком мирного расселения и длительного совместного проживания на единой территории словен и неславянского населения является наличие неславянских названий географических объектов, особенно крупных озер и рек. Названия сохранились до наших дней и хранят в себе тайну, скрытую временем и незнакомой речью.

Археологи утверждают, что здесь с доисторических времен проживали финно-угорские племена. В «Повести временных лет» — одном из первых письменных памятников русской истории — сообщается: «А перьвии насельници в Новгороде Словене, въ Полотьски Кривичи, в Ростове меря, в Белеозере Весь, в Муроме Муромы». Упоминание о том, что в Белоозере (на западе Вологодской области) проживает неизвестная ныне народность Весь, заставила историков искать ее современных потомков. Только на рубеже XIX—XX веков установили, что Весь есть не что иное, как вепсы, проживающие ныне на востоке Ленинградской и западе Вологодской областей. До Великой Отечественной войны вепсов насчитывалось 35—40 тысяч, после войны — 30—35 тысяч человек. В настоящее время ориентировочно считают 15 тысяч человек. Выясняется также, что вепсы в конце I тысячелетия жили и на Удомельской земле. Жили, постепенно растворяясь в более многочисленном славянском населении. Разговаривали они на языке, близком к финскому и карельскому. Будучи в длительном и тесном соседстве со славянами, вепсы восприняли часть русских слов, особенно из земледельческой и бытовой терминологии, произнося их на свой манер, например, рига — рих, печь — пях, ложка — лузик. Названия рек и озер, которые когда-то дали вепсы, пришедшими новыми жителями могли быть восприняты без изменений, если они оказывались удобными для произношения на славянском языке. Названия могли быть и отвергнуты, если они труднопроизносимы. И могли быть переосмыслены, если их звучание что-то напоминало в родном языке. И, наконец, название могло быть утеряно, потому что из-за редкого вепского населения не могло быть передано. То, что не было передано или принято, конечно, потеряно навсегда. Но зато те названия, которые сохранились, свидетельствуют о многом.

Река Мста на вепском языке — Муста означает «черная». В древнерусских летописях она записана как Мьста, а произносилась «Моста». Затем, возможно, было переосмысливание слова, когда река была каким-то рубежом, границей, переход которой строго возбранялся. По этому поводу в свое время писал известный краевед, наш земляк Смирнов Ю. М. Так получилось название Мста от «мстить», «враждовать». Но исконное название реки Мста — Черная соответствует ее главному признаку — воде темного цвета, вытекающей из болот.

Озеро Кезадра тоже имеет вепское название. Оно состоит из двух слов: кеза — «лето» и ранд — «берег», т. е. озеро Кезадра — озеро Летнего берега. Слово «летний» можно понимать как «находящийся с южной (летней) стороны». В русском произношении

«ранд» превратился в «дра» — так легче выговаривается.

Южнее станции Гриблянка есть озеро Маги, расположенное среди полузаболоченной равнины. Но восточный берег его, покрытый лесом, живописно поднимается над озером и даже вдаётся в него. А о чем же говорит название? Вепсы тоже приметили это возвышение как характерный признак озера. Маги (по-вепски — мяги) означает «гора». Озеро Маги — озеро с горой.

Наши озера наполнились ледниковой водой 12—14 тысяч лет тому назад, и с тех пор в них медленно накапливается ил, происходит заболачивание. Берега некоторых превратились в непроходимые болота, в центре которых поблескивают небольшие блюдца воды. И вдруг обнаруживается, что в районе есть озера Новковское (у Еремкова) и Новое (восточнее Мишутина). На последнем была даже деревня Новая. Деревня, конечно, получила название от озера, но озеро Новое, если оно не родилось на памяти людской, не выкопано специально, не может быть так названо. Откуда же такое название, противоречащее смыслу? А оно могло прийти от вепсов. По-вепски «нова» — моховое болото. В близком к вепскому финском языке «нева» — болото. Так, река Нева по заболоченной дельте и назвалась болотом.

У нас произошло переосмысливание вепского названия на русский манер. То, что по-вепски означало болото, заболачиваемое озеро, по-русски зазвучало как «новое» и «новковское».

Вот такие тайны историй родного края открыли привычные для нас названия озер и реки.

Снетковая путина

Это было давно. Тогда еще не было огромного железобетонного моста, и рыжая дамба не пересекала озеро от Лубеньковского бора до Дедова носа. Стоя на старом троицком мосту, можно было долго любоваться строгой синевой озера Удомля, дивным отражением деревни Ряд в серебристой каемке воды под самым деревенским берегом, недалеко от домика села Стан с единственной улочкой, сбегавшей к заливу, откуда, постепенно втягиваясь в глубокое русло, начинается река Съежа. В этих домиках жили рыбаки.

Теперь, когда говорят о рыбаке, всегда представляется одинокая согнутая фигурка чудака, терпеливо ожидающего на крючок своей немудрёной уды флегматичную плотичку или сердитого окунька.

Нет, на Стану жили рыбаки-профессионалы, для которых рыбная ловля была единственным занятием, и ему посвящалась жизнь. Они все работали в Удомельском рыбзаводе, как правило, семьями в звеньях и бригадах, а орудиями лова у них невода и сети разных конструкций и размеров. У них был свой особый быт, связанный с постоянной работой на воде. От тяжелой работы они были сильными людьми, и как все сильные — добрыми.

Рыбзавод тогда вылавливал за год 150-200 тонн рыбы. Большая часть ее отправлялась куда-то железной дорогой, остальное продавалось в Удомле на Базарной площади.

Из всех видов рыб особую прелесть составлял удомельский снеток. И не только тем, что он был чистым, без косточек, удивительно вкусным, но и своим особым поведением, заставлявшим рыбзавод собирать все силы для проведения снетковой путины. Он ловился несколько дней в году, и как раз в предмайские дни, когда озеро почти очищалось ото льда, и поэтому трудовое напряжение путины всегда связывалось с весенним, праздничным настроением.

За поведением снетка следил технорук Щипоников Николай Павлович, болезненный, исхудавший мужчина среднего роста, влюбленный в озера и в свое дело. Помню, как бывший тогда директором рыбзавода Голубев Василий Сергеевич, причалив к становскому берегу на легкой разъездной весельной лодке (тогда еще не было моторок), глядя, как обычно, исподлобья и закуривая, спрашивал встречавшего начальство Николая Павловича:

— Ну, как?

— Вчера вечером было тихо. А сегодня на зорьке смотрю, рябь заметна. Вода шевелится...

— Ну, что ж, сегодня вечером начнем. Готовь бригаду Софронова, а я к Нечаеву заеду.

Один знал, что спрашивал, а другой знал, что отвечать. Долгая совместная работа позволяла понимать друг друга с полуслова.

Так решалось начало путины. Надо отметить, что снеток шел косяком и только ночью, поднимаясь из глубин северной части озера в мелководье Троицкого плеса через подводную возвышенность у Дедова носа. Тут-то его и поджидали! К ночи на носу собиралось несколько бригад с летними неводами и одиночками. Привозили под рыбу корзины-люльки. Проходил последний инструктаж бригадиров, докуривали последние

цигарки и ждали, когда померкнет предмайское небо, скроется во мраке рядской берег, а остров Двинов будет казаться еще выше и совсем спрячет на фоне своей непроглядной черноты как к атаке приготовившихся рыбаков.

И вот кто-то невидимый включает в движение людей, лодки. Осторожно, едва дыша, работают весла, редко стукнет уключина, и сразу становится тихо-тихо, только гулко стучит от напряжения сердце, способное, кажется, нарушить тишину. Только что-то дышит затаенно: не то вода под лодками, не то снеток, идущий огромной массой где-то во тьме. Ни слова, ни огонька. Медленно движутся минуты, пока причалят к берегу забросившие невод лодки. Привычно тянут рыбаки невод, сильно откинувшись назад и широко отбрасывая освободившуюся руку, перехватывают дальше и дальше натянутую тетиву просмоленного каната.

Но вот подходит к берегу набитая снетком корма первого невода, и вторая бригада начинает следующий замет на это же место. И так всю ночь – тоня за тоней, в полном молчании и в кромешной тьме – как хорошо налаженная машина, трудятся, рыболовецкие бригады. А невдалеке расставляются корзины с рыбой, светящейся во мраке черным серебром. А когда на востоке занималась заря, Двинов остров терял свою, таинственную суровость, и на рядском берегу можно уже различить крыши домов, озеро улыбалось. Только из-за Черного острова выглядывало мрачное поле коварного весеннего льда, загнанного туда южным ветром. К этому времени снеток прекращал движение.

Невода развешивались по берегу на просушку, корзины со снетком грузились в лодки. И только после этого рыбаки, вытирая под фартуками мокрые, набрякшие, усталые руки, скручивали первые утренние сигарки.

Меня всегда поражала в этих людях удивительная невозмутимость, как бы трудно ни было. В тяжелейшей внешне казавшейся беспредельно однообразной работе они не только добывали хлеб свой насущный, но и получали душевное удовлетворение. Когда тянули невод, они были сосредоточенно молчаливы. Каждый знал свои обязанности, и здесь указаний и понуканий просто не существовало. Бригадир обычно только «молвил золотое слово», где будут тянуть очередную тоню. Но стоило сделать перекур, начинались рыбацкие рассказы и байки, розыгрыши и воспоминания. Казалось, ну что хорошего можно вспомнить, если целыми днями, круглый год, всю жизнь в холоде, в воде одно и то же: тянешь, гребешь и тянешь до ломоты и дрожи во всем теле. А они вспоминали, радовались, сочувствовали или осуждали, не скупясь и не заискивая в своей душевной открытости. Поражала и их обязательность. Ничто не могло отменить или прервать путину. Снеток часто шел 1-го и 2-го мая, и праздничные торжества отменялись. И если бы кто-то сказал, что больше ловить снеток не требуется, хотя его ход не закончился, он нанес бы рыбакам кровную обиду, разрушив вековой уклад и смысл их жизни. К счастью, таких случаев не было.

После ночного лова целая флотилия лодок везла улов на склад рыбзавода. Затем возвращалась на Стан. Рыбаки, вздремнув несколько часов, чинили невода, и снова повторялась ночная напряженная безмолвная работа.

Время движется и подминает под свои колеса годы, события, людские судьбы. Исчез рыбацкий Стан. Давно нет на свете Щипоникова Николая Павловича. Как-то незаметно ушел из жизни Яков Васильевич Софронов — уже тогда старый рыбак, широкогрудый, с обвислыми рыжими усами. Давно нет и Нечаева Ивана Васильевича, человека, смышленного в тонкостях рыбного промысла, с каким-то рыбацко-интеллигентным складом ума и даже с особой, изящной походкой. Да, многих героев тех жарких снетковых путин уже нет. Но мы иногда встречаемся с Василием Сергеевичем Голубевым, здороваемся, вспоминаем прожитое. Он так же смотрит исподлобья, улыбается и, кажется, вот-вот спросит меня: — Ну, как? А я смущаюсь, что не смогу ответить, потому что нет уже озера с уникальным удомельским снетком, не будет снетковой путины, не соберется пропахший смолой и рыбой бывалый народ, как на праздник в предмайские ночи на тяжелый и одухотворенный труд.

Удомля: что означает слово это?

В 1987 году в нашей газете я опубликовал статью об Удомле («Что значит «Удомля»?» - прим. сост.), в которой была сделана попытка подвести итог многолетних раздумий и поисков для разгадки смысла названия «Удомля». Загадка настолько привлекательна, что и до сих пор ходят разные варианты так называемой народной этимологии, объясняющей, что же такое «Удомля». Один из вариантов говорит, что Удомля — «яма, глубокое». Основанием этому служит литовское слово дубус — глубокий. Второй вариант — «сонное», слово из мордовско-мокшанского языка «удома» — сон, спанье. Но может ли быть все это истинным значением названия нашего города?

Возникают сомнения, потому, что часто в иноземных языках есть слова, созвучные с русскими словами, но совершенно с другим смыслом. Вспомните немецкие «рот» — красный, «брот» — хлеб. Поэтому просто выискивать созвучные слова в других словарях нельзя, можно попасть на ложный путь. А всякий ложный путь к тому же и при недостатке обоснованной информации быстро воспринимается и создает неверное историческое представление. И сейчас некоторые неразборчивые наши горожане с презрением говорят: «Удомля — яма — была и будет!» Знание истинного смысла слова возможно у кого-то не только изменит отношение к названию Удомли, но и породит добрые патриотические чувства.

Наш поиск начался с выяснения, существуют ли где-нибудь названия, подобные «Удомля». Прочитана масса справочной литературы, просмотрены областные карты. В результате из примерно 500 тысяч топонимов найдено 100 подобных Удомле, что составляет 0,02 процента. Названия довольно редкие. Все они были нанесены на карту. Оказалось, что подавляющее большинство их располагается на территории, которую в X веке занимало Киевское древнерусское государство. Правда, несколько таких же топонимов найдено на территории Польши, Югославии и Болгарии. Все это только укрепило наше мнение о славянском происхождении топонимов, оканчивающихся на МЛЯ. Значит, дальнейший поиск следует вести в славянских землях, славянских языках. Далеко ходить не нужно. В Удомельском районе есть озера Гжемля около Еремкова, Хотемля у Елмановой Горки, была деревня Годомля на западном берегу озера Наволок. В Максатихинском районе есть село Лощемля, а в области — Гастомля, Гордомля, Итомля, Кочемля, Солодомля, Сукромля, Соломля.

В старославянском языке еще в первом тысячелетии обнаружилось стремление после смычных согласных б, м, в, п вводить смягченное ЛЬ, например: корабЛЬ, земЛЯ, журавЛЬ, купЛЯ. В нашем районе есть озеро Грибное, а из него вытекает речка ГрибЛЯнка. ЛЬ и ЛЯ стали играть роль окончания в так называемом приименном родительном падеже. Пример тому — древние названия: город Ярослава — ЯрославЛЬ, в Вышневолоцком районе древнее поселение какого-то Гордолюбa — село ГордолюбЛЯ, поселение Домослава — ДомославЛЬ. С морфологической точки зрения «Л» становится суффиксом принадлежности или места, как позднее стали «ОВ», «ЕВ», «ИН». Например: ИванОВо, ВасильЕВо, ЛугинИНо.

Анализ выборки «родственников» Удомли показал, что окончание — ЛЬ относится, как правило, к населенным пунктам, получившим наименование в древности,

а окончание — ЛЯ к рекам и озерам, названным в те же времена. Это справедливо и для Удомли. Первичным было название озера Удомля, упомянутое впервые в летописи в 1478 году. Затем возникла Удомельская или Удомельско-Рядская волость, и только в 1904 году ж. д. станция Троица была переименована в станцию Удомля. Если первому летописному упоминанию Удомли исполнилось недавно 500 лет, то время появления названия следует отнести ко времени появления славян на нашей территории в VI—IX веках и готовиться отмечать, по крайней мере, тысячелетие рождения имени.

Теперь рассмотрим следующий кусочек слова Удомля - «ом». В общеславянском языке в первом тысячелетии существовал звук, который впоследствии при появлении письменности обозначался буквами «большой юс» и «малый юс» а произносились они через нос и назывались соответственно задне и переднеязычными гласными. Попробуйте произнести «ом» через нос, не закрывая рта. Это и будет «большой юс». Правда, произносить его нужно научиться на слух, иначе получается сильное искажение. К началу второго тысячелетия этот звук в древнерусском языке стал исчезать, превращаясь в закрытом слове в «у», а в открытом — в обычное «ом». У поляков этот звук сохранился до сих пор, активно используется в речи и имеет свою особую букву. Общеславянское слово «зуб» в их произношении звучит как «зомб», губа — «гомба», голубь — «говомб». Таким звуком был когда-то и удомельский «ом». Он впоследствии превратился в простое «ом», потому что находился в открытом слове: у-до-мь. Здесь еще одна загадка нашего языка. Как же МЬ стало слогом? Оказывается, в не таком далеком прошлом мягкий знак произносился как безударный краткий (редуцированный) звук «е», а слово произносилось «удоме» с ударением на о. Кстати, и твердый знак «ъ» раньше произносился как редуцированный звук «о».

Итак, нам надо найти перевод древнерусского слова «удомь». Обратимся к словарям. В «Этимологическом словаре русского языка» Фасмера записано: ОУДЪ — др. рус. часть (тела), кусок, множ. число — оудеса (ср. тело — телеса, небо — небеса).

УДА — удочка, укр. вудка, др. рус. оуда (уда — удочка, как рука—ручка). В «Толковом словаре русского языка» В. Даля записано: УД — снасть, снаряд, орудие, сбуя, сосуд, но более часть тела, как нога, рука, палец.

В «Словаре русского литературного языка» записано: УД — (устар.) части тела человека или животного преимущественно о конечностях.

(Окончание следует)

От составителя: - Окончание статьи отсутствует.

Помнить истоки жизни

С названием деревни Займище всегда связываются когда-то славные, а ныне трагические страницы медицины на нашей земле. Непомерная специализация и концентрация лечебных заведений привела к упадку медобслуживания в сельской местности, к утере кадров, а с ними — традиций самоотверженности, милосердия и бескорыстия, характерных для медиков первой половины XX века. Типичным представителем медицины того времени был врач Морковин Павел Алексеевич. Интересна его биография, но не обилием событий, а добрыми делами, которые успел сделать доктор Морковин для народа.

Он родился в 1870 году в городе Старице. В 1894 году окончил медицинский факультет Московского университета. С 1899 по 1930 год, то есть 31 год, он посвятил работе в Займищенской больнице. В дореволюционное время она обслуживала территорию радиусом 25—30 и более километров. Ведущий персонал: врач, фельдшер, акушерка. В 1911 году больница по настоянию населения была расширена. Рядом со старым зданием амбулатории встал стационар с хирургическим кабинетом, родильным отделением, пятью палатами, а недалеко — отдельное здание для инфекционных больных. Отдельное — пищеблок, квартиры для медперсонала. Возник целый лечебный городок.

С 1914 по 1918 год Павел Алексеевич в действующей армии — врач полевого госпиталя, затем начальник военно-санитарного поезда. Возвратился в Займище, когда там уже укрепилась Советская власть. Со всем народом пережил трудные 1918—1920 годы, не бросил больницу, не прервал своей благородной работы. До 1930 он много сделал не только в лечебной работе, но и в укреплении материальной базы, в расширении медицинского просвещения населения, что в ту пору имело исключительно важное значение. Появилась своя электростанция, централизованное водоснабжение и отопление. Павел Алексеевич всю жизнь учился, совершенствуя профессиональное мастерство, и учил других. Авторитет Займищенской больницы рос, она была известна во всей Тверской губернии. Но 31 марта 1930 г. Павел Алексеевич умер. Ушел из жизни великий труженик, универсальный врач, высокообразованный интеллигент, общественный деятель. Жители ближних и дальних деревень оплакивали и провожали его в последний путь. В людской памяти стала легендой подвижническая деятельность народного доктора. Займищенской больнице было присвоено имя Морковина П. А.

К великому сожалению, вольно или невольно последующие действия местных властей были направлены на то, чтобы вытравить память о Морковине. В 1933 году кладбище, на котором похоронен Павел Алексеевич, было разрушено, а деревянная Еремковская (Евановская) церковь Воскресенья постройки 1769 г. перестроена так, что уже ничем не напоминает культовый и архитектурный памятник. С тех пор прошло почти 60 лет и, может быть, не стоит тревожить тени правых и виноватых того времени.

Но совсем недавно, в 1986 году был совершен новый акт: Займищенская больница была закрыта, а медперсонал уволен. Но этого оказалось мало. Главный врач ЦРБ Ямской снял шифер с крыши стационара, куда-то «уплыли» батареи отопления. А затем, уже без руководящих указаний, прочные здания больницы, предоставленные на произвол судьбы, стали саморастаскиваться. Вынуты рамы и двери, сняты полы. Еще звонкое ядреное дерево срубов обречено на гниение, или на уничтожение, как теперь говорят, под действием человеческого фактора. Таким образом, и нынче стираются следы Морковина вместе с мемориальной больницей, которую следовало особенно беречь и в качестве памятника истории и культуры. Перед этим памятником надо стоять всем нам, сняв шапки, и удивляться тому, что мог сделать истинный гражданин и патриот земли русской в сложнейшее время нашей истории.

Но никто не снял шапку. Никто из тех, кому по должности положено, пальцем не шевельнул, чтобы остановить разбой, до сих пор никто не наказан за нанесенный материальный и моральный ущерб государству и народу.

Развалив Займищенскую больницу, ЦРБ вынуждена была построить в Еремкове медпункт. Но, видно, разучились строить на Руси деревянные дома. И возвели индустриальный железобетонный коробок, в котором ни больных принимать, ни лекарства хранить нельзя. Теперь подумывают: а не закрыть, ли этот злополучный медпункт, чтобы меньше жалоб было? А что? Закроют и разберут. Правда, железобетонную коробку не вдруг-то разберешь!

И будет она стоять при нас и после нас вечной памятью ее творцам.

В Займище сохранился дом, в котором жил П.А. Морковин. Мне удалось встретиться с Александрой Павловной Морковиной (это уже третье морковинское поколение). Она приезжает в дом деда уже со своей внучкой на лето, чтобы отдохнуть от ленинградского смога да присмотреть за родовым гнездом. Сейчас надо бы перекрыть крышу на морковинском доме. Шифер есть, деньги есть, но некому сделать эту работу.

Надо этот дом сберечь. Надо поставить памятник Павлу Алексеевичу на могиле на старом кладбище. Надо восстановить и больницу его имени, чтобы она работала для людей. Это, наверное, сделать дешевле, чем отстроить все заново, только нельзя терять времени.

Надо хранить историю и учиться на ее примерах. Надо помнить, где истоки нашей жизни, где могилы наших предков и великих представителей нашей земли. И не надо быть «Иванами, не помнящими родства».

От составителя: - Могила земского врача П.А. Морковина в Еремково

Еваново

ЕВАНОВО... Мало кому известно это странное слово. Словно кто-то нарочно заменил начальную букву на первую попавшуюся. А может, это опечатка? Но передо мной лежит документ с угловым штампом: «Евановское общество потребителей Удомельского района Тверского округа п/о Еремково, село Еваново». Документ относится к 1929 году.

Откуда же пошло Еваново, и что означает это название?

Для решения такой задачки пришлось немало порыться в библиотеках.

В самом недалеком прошлом, еще на моей памяти, Еваново было южной частью Еремкова. Теперь старое название забылось...

По состоянию на 1900 год есть такая запись: **«Николаевский-Поддубский погост, Еваново тож, от Твери 120 верст, Волочка – 65 верст; почтовый адрес: Евановская станция»**. На погосте Еваново в 1769 году была построена церковь Воскресенья с приделами: правый — Успенья Божьей Матери, левый — святого Николая. По этому приделу погост имел второе название.

В 1932-году церковь переделана под сельский клуб, который до сих пор памятником нашей бедности стоит через дорогу от исполкома Еремковского сельсовета. Вокруг церкви, как было принято, располагалось кладбище, где хоронили усопших Евановского прихода. А в приход включались населенные пункты: Ушаково, Едутино, Гусиная Горка, Рыжково, Красное, Подерешка, Горшуха, Займище и Еремково, но не нынешнее Еремково, а то, которое называем Новым Еремковым. В перечисленных деревнях было 75 дворов, и жило в них 570 жителей «обоего пола», почти по восемь душ на двор. Теперь кладбища нет. Его уничтожили в том же 1932 году. При строительстве железной дороги станцию называли по приходу: Еваново, как и станцию Удомля раньше называли по приходу: Троица. В сельце Еваново в 1900 году был всего один двор и жили в нем один мужчина и три женщины, очевидно, семья священнослужителя Александра Георгиевича Сборовского.

Опустимся вниз по хронологической лестнице в 1859 год. В записях встретим Еваново с населением 65 душ и Еремково — 67.

Ниже, вглубь веков — пока мрак. Только в 1501 году в писцовой книге Бежецкой пятины записано: **«Волостка (владение) Еваново Ивановская Ящинского в Поддубье в Никольском погосте в Вудомельском за Иваном за Ивановым сыном Нечаева да за его детьми за Нечайцом да за Гридкою сельцо Клеши но у озера Клещина, а в нем церковь Никола Чюдотворец стала нова»**. А деревень к сельцу приписано 11, среди них **«деревня Еремково у Прудна озера»**. Из этой цитаты можно сделать несколько выводов.

1. Деревянная церковь Николы Чудотворца простояла с 1501 года 268 лет, затем ее сменили на церковь Воскресенья, простоявшую до ликвидации 167 лет, а если учесть, что сруб ее в какой-то части еще сохранился, то набирается и все 220 лет. Это говорит о том, как качественно строили 500 лет тому назад и как берегли дело рук своих.

2. Еваново обосновалось на том месте, где было владение Еваново в сельце Клешино на берегу одноименного озера при той же церкви. Там сейчас стоит поселок Еремково, озеро уже называется Клешно. Таким образом, за 500 лет ничто никуда не перемещалось.

Дальше вглубь истории — тьма неописанная, непросветленная. В новгородских

грамотах, не относящихся к нашему району, в период 1299 — 1313 годов встречается выражение «Еваново попово», а на ископаемой ложке того же времени вырезана надпись: «Еванова Ольфоромеевица». Первое переводится как «попа Евана», а второе — как «Евана Варфоломеевича». Нетрудно догадаться, что Еван — мужское имя. Греческое канонизированное имя Иоанн, попав на новгородскую землю, а значит, и на удомельскую, стало произноситься как «Еван». Позднее, в XV веке, в рукописях встречается «Ыван» и, наконец, «Иван». Отсюда можно сделать еще очень важный вывод: нынешнее Еремково ведет свою родословную самое позднее — с XIV века. Сначала это было владение Евана, потом стал погост (центр хозяйства) Еваново, затем село Еваново.

В 20—30 годы нашего века пользоваться названием Еваново стало неудобно: архаичное имя как бы сползало на современное Иваново и вносило путаницу при организаций железнодорожных перевозок. Так появилось название станции Еремково по одной из ближних деревень — название понятное, как говорят, прозрачное и звучное. Еремково происходит от имени Еремей, Еремка, но не Ерёмка, потому что Ё в русском языке стало появляться только в XVIII веке. А Еваново, прожив на свете свыше 600 лет, забылось. Кто знает, не начни переименовывать, переименовывать названия населенных пунктов, Еваново бы жило и до сих пор. И мы с уважением бы вслушивались в древнее имя, так долго хранившееся в названии села, и отдавали бы должное удивительно живучей памяти людской на все естественное, невыдуманное, порожденное самим народом.

Ну а Еремково, как видим, тоже имеет возраст не менее 600 лет, только перебралось с озера Прудно на озеро Клещно, оставив на старом месте Новое Еремково. И пишется в сводках и расписаниях «Еремково», а видится и слышится в нем памятник нашим предкам, нашей древней Удомельской земле.

Земля вставала на дыбы

Война пришла в Удомлю не только с горькими сводками Совинформбюро и с военкоматовскими повестками. С 22 июня через Удомлю пошли тревожные эшелоны на запад — с войсками, а на восток — с беженцами. С 10 июля война в прямом смысле обрушилась на Удомлю. В этот день примерно в одиннадцатом часу над поселком появились самолеты. С большой высоты стремительно ринулись они к земле, сбросили какие-то непонятные «капельки» и, с ревом разворачиваясь на обратный курс, снова ушли в бездонную пустоту неба. А «капельки» долетели до земли и взорвались. Это были первые бомбы, упавшие на Удомлю и начавшие трагический счет долгой изнурительной войны.

Бомбы упали там, где сейчас заканчивается так называемый перрон на железнодорожной станции в восточном направлении. Там стоял эшелон. Паровоз набирал воду. Первая бомба попала в насыпь, где скопился огромный шлаковый откос. Шлаком и глиной облепило паровоз. Еще две бомбы в линию с первой попали в болото — на территорию нынешней мебельной фабрики, на углу улиц Пионерской и МЮДа. Жертв не было, хотя я знал человека, который попал под первую бомбу. Его сбilo с ног, а потом лежащего ударило куском шлака по ноге. Самолеты улетели, по пути обстреляв на Торфяном эшелон с беженцами. Там тоже, кажется, обошлось без крови. Удар был таким неожиданным и коротким, что Удомля не успела осознать его возможных последствий и поэтому не испугалась.

Местные стратеги делали самые разные предположения о целях и результатах налета. И как им не быть, если 10 июля фронт находился у г. Острова Псковской области, почти за 400 километров от Удомли, и по пути таких поселков, как Удомля, было несколько десятков, а досталось почему-то нашему. На следующий день, 11 июля, было жарко, спокойно, располагало ко сну. В четвертом часу дня вдруг послышался гул. Помня вчерашний неожиданный удар, многие бросились прятаться в заранее приготовленные укрытия. Гул медленно, но напористо нарастал, натягивая нервы до предела. Ждали: вот-вот снова обрушатся страшные взрывы. Наконец, обнаружили, что с запада через Удомлю медленно движется целая эскадрилья У-2 — 14 «кукурузников». Облегченно вздохнув: «Это наши», люди стали вылезать из подземелий. Минут через десять снова послышался гул, тяжелый и тревожный. И опять ничего не было видно. Все искали в безукоризненно чистом небе источник звука. Наконец увидели на большой высоте два самолета. «Наши соколики! Наши соколики!» — кричала радостно одна дамочка и махала косынкой. Но вдруг грузно содрогнулась земля, и сильный взрыв заставил присесть на корточки. На этот раз бомбы попали в нефтебазу, которая размещалась с северной стороны станционных путей, ближе к городу от современной АЗС. Сразу вспыхнуло пламя, глухо взорвалась цистерна, и черная туча невиданного пожара потянулась в сторону Удомельского озера.

Положение Удомли в то время во многом зависело от быстро меняющейся обстановки на фронте. К 25 августа фронт подошел к Старой Руссе и реке Ловать — в 230 километрах от Удомли, а к 8 сентября — бои уже развернулись в Демянском районе Новгородской области — в 120 километрах. Наша железная дорога, проходящая к Северо-Западному фронту, стала приобретать стратегическое значение. Линия Москва-Ленинград оказалась под массированным авиационным воздействием противника, а с 14 октября, после падения г. Калинина, была перерезана, и единственной магистралью, снабжающей фронт, стала дорога Рыбинск—Бологое. Естественно, она стала заманчивой

целью для фашистской авиации.

Первые две бомбежки, как потом выяснилось, были проведены по ошибке. Бомбы предназначались узловой станции Бологое. Потом, когда фашисты разобрались в картах наших озерных и лесных просторов, целенаправленные налеты прекратились. Но над Удомлей продолжали летать вражеские бомбардировщики, особенно в ночное время, к дальним целям: на Сонково, Рыбинск, Ярославль. Там, очевидно, была солидная противовоздушная оборона, и противник не всегда мог сбросить бомбы на намеченные цели. Эти бомбы, походя, просто так, сбрасывали на обратном пути на спящие селения у железной дороги. Так, 3 августа ночью пролетающий «Юнкерс» сбросил одну-единственную бомбу. Она упала в Школьном переулке. Осколком был ранен ученик нашей школы, первый гармонист в Удомле Леша Пятачков. Этот случай запомнился потому, что я в ту ночь дежурил в качестве ополченца местной самообороны. Не исключено, что были и другие одиночные бомбовые удары по ночам. К этому времени мы уже по звуку и силуэту научились узнавать врага и принимать необходимые меры. Быстрое продвижение немецко-фашистских войск на нашем направлении заставило руководство готовить район к возможной оккупации: жгли архивы, началась частичная эвакуация населения, перегон скота в восточные районы, вывоз ценностей. Из Удомли «эвакуировалась» и наша школа подальше от железной дороги, в Мушино.

В Мушине 16 октября мы услышали со стороны Удомли взрывы. На земле уже лежал снег. Хмурые тучи низко висели над селом. Начинало смеркаться. Вскоре к дальним взрывам прибавился рев авиационных моторов. Фашистские бомбардировщики, выскальзывая из-за туч, казалось, прямо над головой делали боевые развороты в направлении родного поселка. Больно сжалось сердце от страха за судьбу близких, и мы, все удомельские, бросив дела и вещи, побежали домой. В поселок пришли уже непроглядной ночью. Начиная от вокзала, дорога по Большой улице (ныне Пионерская) стала почти непроходимой. Вдобавок приходилось выпутываться из оборванных проводов, свисавших со столбов бесконечными петлями-удавками. Только на следующий день при свете можно было оценить урон, нанесенный этой бомбежкой. Ее называли большой, потому что в налете, участвовало 14—16 самолетов — наибольшее количество за все время войны.

Удар был нацелен в основном по железной дороге. К чести железнодорожников, они умели моментально устранять повреждения от бомбежек, и к утру на полотне следов, как правило, не оставалось. А то, что попадало под удар на «вневедомственной» территории, оставалось долго разрушенным. Между пакгаузом и переездом, где сейчас зеленеет молодой лесок-парк, был большой лесосклад. Сюда бомбы попали наиболее густо. Огромные бревна, брусья, тес, разные заготовки — все разметало взрывами и перемешало с комьями мерзлой земли. Две полутонные бомбы упали по обе стороны дороги на Большой улице, образовав огромные воронки. Одна из них почти полностью уничтожила огород дома № 36 и разрушила половину дорожного полотна. Воронки ликвидировали еще во время войны. Вторую же, образовавшую круглый пруд диаметром в 10 метров, ликвидировали к двадцатилетию Победы. На улице Володарского четырьмя бомбами, попавшими точно в цель, был полностью разрушен дом № 12, где была ремонтно-строительная контора.

В 1989 году уроженец деревни Елманова Горка Александр Васильевич Иванов прислал мне рассказ о том, как 16 октября вместе с Удомлей бомбили и его деревню. Враг сбросил 16 бомб. Человеческих жертв не было, но во многих домах вылетели стекла, в одном вырвало простенок, а один дом — Иванова Сергея Ивановича — совсем развалило. Разбило пристройку у скотного двора, покалечило корову и жеребенка. В тот день бомбили и деревню Дягилево.

Запомнился еще один случай, происшедший в конце ноября. День был хмурый, с низкой облачностью. Два фашистских стервятника «поймали» товарный поезд, когда

он приближался со стороны Торфяного к Удорскому мосту. Машинист резко затормозил, потом дал задний ход. Бомбы упали мимо. Пикировщики делают новый заход, клюют носом, сбрасывая бомбы, и снова машинист двигает состав. Паровоз, окутанный дымом и паром, тревожно кричал, как будто звал на помощь. Но помощи не было. А стервятники продолжали с ним смертельную игру. Кошмар избиения безоружного состава двумя уверенными в безнаказанности воздушными пиратами длился минут десять. Наконец, самолеты, истратив боезапас, улетели, а состав, скрытый лесом, еще минут пять переводил дыхание после страшного напряжения. Потом звякнули буфера, и на мост выкатился паровоз со всеми вагонами и, резко набирая скорость, заторопился к Удомле, прочь от страшного места. В это же время в воздухе появились два наших истребителя. Они лихо облетели поселок и, не обнаружив противника, ушли в облака. В Удомле не было противовоздушной обороны. Защитники неба всегда появлялись чуть-чуть позже, чем было надо для встречи огнем воздушных разбойников. Поэтому безнаказанных нападений с воздуха было много.

Четвертого января 1942 года пролетающий на большой высоте фашистский самолет «уронил» небольшую бомбу среди бела дня во двор дома № 5 по улице Володарского, изрешетив стены дома и сарая.

Январь 1943 года... Во втором часу ночи сброшена бомба на выходные стрелки с западной стороны. Через пару суток точно так же была сброшена бомба. Она попала под будку на переезде, но не взорвалась.

Пока искали саперов, пока ее раскапывали и извлекали, будка была огорожена, переезд смещен в сторону. После этой операции будку, а потом и капитальное здание поставили по другую сторону дороги.

Четвертого апреля 1943 года несколько вражеских самолетов сбросили бомбы на среднюю школу, заполненную ранеными. К счастью, они упали в садик перед фасадом школы. Вылетели стекла, фасад от осколков стал рябым, как после оспы. В морг привезли женщину с оторванной головой. Это был последний на моей памяти воздушный налет. Фронт все еще стоял под Старой Руссой, но у фашистов уже не хватало средств и смелости, чтобы нападать безнаказанно на железнодорожные станции.

Такова краткая хроника событий, связанных с бомбежками нашего поселка. Ее можно дополнить свидетельствами других жителей Удомли, да и не только Удомли, но и каждого разъезда на территории района. Везде падали бомбы, неся смерть и разрушение, от чего страдало, в основном, мирное население. В то время едва ли кто вел летопись событий в Удомле, подсчитывал жертвы и ущерб от налетов. Все считали, что главное — там, на фронте, а здесь — перетерпим, переживем, а хватит сил — восстановим. Лишь бы там была победа.

Я вспомнил только то, что сам видел и пережил, но и этого достаточно, чтобы представить напряжение, вызванное постоянной настороженностью, ожиданием разбойного налета. Если к этому добавить напряженнейший труд во всех отраслях района, постоянную нехватку самого необходимого для жизни: продовольствия и одежды, то картина будет ясна: фронт и тыл были воистину едины.

В год 45-ой годовщины великой Победы над фашистской Германией вспомним и эту страницу удомельской истории ради молодых. Пусть знают, на чем стоит наш город, наша земля.

Наша история – наше достояние (О культовых памятниках Удомельского района)

Среди памятников истории и культуры особняком стоят культовые памятники: соборы, церкви, часовни. Они многофункциональны. Главное их назначение — утверждение в народе православия со всеми нравственными, идеологическими и политическими последствиями. В то же время церковь являлась выдающимся по всем статьям сооружением: самым высоким, самым приметным, самым таинственным, самым красивым. Вокруг церкви сосредотачивалась духовная и во многом мирская жизнь. Это был в переводе на современный язык своеобразный Дом культуры или политпросвещения, где можно послушать проповедь, получить «отпущение грехов» и успокоить совесть, посмотреть на людей и себя показать. Церкви с древних времен ставились в центрах торговли, скопления народа, чтобы такое заведение не пустовало от безлюдья. Недаром слово «погост» — кладбище первоначально имело значение «где гости», «где купцы». Культовые памятники были и мемориальными сооружениями, связанными с именами народных героев или мучеников веры, провозглашенных церковью святыми. На начало XX века на территории Удомельского района было 27 церквей. Все они закладывались в память о знаменательных событиях, чаще религиозных. В них устраивался «престол» — место в алтаре, посвященное имени или событию. По престолу называлась церковь, а приход, обслуживаемый церковью, имел свой престольный праздник: в Молдине — Преображенья и Успенья, в Поддубье — Покрова, во Млеве — Спаса, в Липнах — Рождества. Эти престольные праздники прочно вошли в быт народа и отмечались с завидным постоянством многие столетия. И сейчас еще не вывелся этот старинный обычай, правда, уже не на религиозной почве, а ради «выпить и повеселиться».

По населенным пунктам района было также построено 62 часовни, как сказали бы современные строители, — малые архитектурные формы, каждая своей конструкции, своего святого. Они были расположены ближе к крестьянину и, можно сказать, служили более близким его целям. Так, в Ишутихе была часовня пророка Ильи — широко почитаемой библейской личности. Илья-пророк «заведывал» дождями, значит лицо — ответственное и нужное в крестьянском хозяйстве. В Глазачах стояла часовня Михаила Архангела, а в Гусинке — часовня Всех Святых. Часовни назывались и именами великомучеников: в Сосновице — Фрола и Лавра, в Гирине — Козьмы и Демьяна, а Пальцеве — преподобного Нила, а вот в Сергине — часовня Сергия Радонежского — идейного вдохновителя московского войска Дмитрия Донского на бой с татаро-монголами на поле Куликовом. В Пенькове же и на Мсте — часовни во имя Александра Невского.

Через немудреное деревянное сооружение часовни русский народ из поколения в поколение нес память о людях и событиях «давно минувших дней». Деревянные часовни или сгнили, или в условиях непримиримости к религии были уничтожены. Правда, на памяти нынешних пенсионеров по деревням часовни стояли еще перед войной, а в Лугинине и до сих пор стоит часовня Казанской Богоматери.

Церкви — более долговременные сооружения. Если деревянные при благоприятных условиях могли простоять 200—300 лет, то каменные несли в себе историческую информацию через многие столетия. Церкви начали строить с введением христианства на Руси. Известно, что первый Софийский собор в Новгороде был срублен в конце X в. Он был деревянным и не уцелел для истории. История церквей оказалась сложной и трагической, как и судьба народа. Церкви сгорали свечками в период борьбы с

язычеством, во времена нашествия иноземцев, междоусобных войн, искоренения ереси. Исчезли церкви и монастыри после екатерининской реформы 1764 г. Лихая доля досталась им в 20—30 годы нынешнего столетия. То, что осталось, и теперь удивляет совершенством, монументальностью, органическим слиянием с окружающей природой.

Самая старая на территории района, записанная на рубеже XIX — XX вв., — церковь Святого пророка Ильи в Ильинском погосте. Она построена в 1701 году. В скором времени церковь отметила бы свое трехсотлетие. Такой памятник старины представлял бы особый интерес, тем более что он нес в себе черты русского деревянного зодчества. Но перед войной церковь была разобрана и куда-то вывезена, несомненно, уже не для духовного возрождения народа.

Из XVIII в. к нам пришли церковь Успения в Молдине (постройки 1773 года), Никольская в Верескунове (деревянная, 1752 года), Воскресенская в Котловане (каменная, 1796 г.). Исчезли или подверглись переделке до неузнаваемости церкви Воскресенская в Еремкове (1769 года), переделанная в клуб; Покрова в Поддубье (каменная, 1791 года), разрушенная; Вознесенья в Сленкове, деревянная, разрушена; Рождества Христова в Липнах (1715 года), Знамения Богоматери (1798 г.), там же; Георгиевская в Черных Ручьях (1731 г.), Христорождественская в с. Кезадра (1705 г.); Святого Дмитрия в Островно (1778 г.).

Последние церкви были деревянными, и следов от них не осталось. Сохранились развалины церквей Иоанна Богослова в Мушине (постройки 1835 года), Никольской в Грибнах (1810 г.), Рождения Богородицы в Магах (1819 г.). Интересно, что в летописях, датированных 1501 г., упоминаются Липенская церковь, Еремковская (Евановская) как новая, Молдинская, новая, но под другим названием, Мушинская, как новая, Перховская, Тихомандрицкая, как новая.

В летописях за 1551 год упоминается Грибенская, Млевская, но под другим названием, Становская, как новая, но под другим названием, Троицкая и в Черных Ручьях. Эти летописные сведения дают возможность сделать следующий вывод: церкви в нашем районе в основном строились в средние века деревянными, поэтому ни одно сооружение культа не дожило до XX в.

В настоящее время идет служба в Дубровской церкви святых мучеников Кирика и Улиты (постройки 1891 года), в Млевской церкви Спаса нерукотворного Образа (постройки 1849 года), в Сельце-Карельском в церкви Рождения Иоанна Предтечи и Обновления Храма Вознесения Христа и Казанской Богоматери (постройки 1849 года), в Троицком храме Иоанна Богослова (постройки 1840 года) (*данные на 1990 г. — прим. сост.*).

В нашем районе нет одинаковых церквей. Каждый зодчий строил церковь по-своему, выражая свое виденье предназначения храма. В архитектуре церквей наравне со строгими канонами храмовоздвиженья существовала определенная свобода творческого самовыражения, допускающая вольности в выборе изобразительных средств: то менялись пропорции размеров, то менялась форма архитектурных элементов, то колокольню ставили отдельно от церкви, создавался невиданный каменный рисунок, как в Спас-Ульстиме, то выплывал из древности византийский монолит, как в Верескунове. Если же не доставало архитектурных средств, ставили на такое место, как Троицкую церковь, на межозерье у протоки, чтоб была она маяком плывущему; подбирали свой особый по тембру и силе звука набор колоколов. Так, в Молдине главный колокол было слышно в Еремкове, а колокола поменьше давали «малиновый звон», о котором мы теперь можем узнать только из популярной песни. А уж если и этим не могли выделить свою церковь, то делали удивительную внутреннюю роспись, как в Перхове, или находили необыкновенную икону, создавали о ней легенду, о ее чудотворящей и всеисцеляющей силе, и церковь обретала свое лицо.

Памятник — это память. Вдумаемся в смысл и значение этих слов для народа, Родины, и, конкретно, для себя лично. Как часто нам недостает памяти о прошлом, о

дорогих людях, ушедших навсегда из жизни, о событиях на родной земле, значение и величие которых может оценить только само время! Памятники нужно хранить, чтобы не остаться без прошлого, без тех корней, которыми питается наше собственное я, наша родословная, национальное достоинство. Назначение памятника – стоять долго, а его создатели предполагали – вечно, и своим обликом нести дух и веру современности в будущее. Православная церковь – тоже исторический памятник, памятник надежный, каменный, без подделки и правки, искренний свидетель прожитого. Нам предстоит сохранить его, чтобы нынешние и последующие поколения могли читать их каменные страницы в оригинале и восхищаться высотой и возможностями человеческого духа, могучей живучести традиций народа.

Более подробные сведения об истории и архитектуре культовых памятников автором переданы в Удомельский краеведческий музей.

Путешественник из Тараков

Многие жители нашего района и, особенно, города мало знают о знаменитом земляке Всеволоде Ивановиче Роборовском. Напомнить об этом интереснейшем человеке меня побудило приближающееся 80-летие со дня его смерти. Кто же такой Роборовский?

Во многих энциклопедиях о нем сказано как о русском исследователе Центральной Азии, участнике Тибетских экспедиций Н. М. Пржевальского в 1879—85 гг. В 1889—90 г. работал в Тибетской экспедиции под руководством М. В. Певцова. В 1893—95 годах руководил экспедицией, в которой участвовал П. К. Козлов, по исследованию Восточного Тянь-Шаня и гор Наньшаня.

В. И. Роборовский родился 9 мая 1856 года в Петербурге, в небогатой дворянской семье. Как и большинство городских жителей, имевших поместья, Роборовские выезжали на лето в свое имение Тараки, что находится в Удомельском районе, там, где река Волчина пересекается с дорогой Удомля — В. Волочек. Здесь, в Тараках, у Всеволода состоялось знакомство с природой, переросшее в большую к ней любовь, не угасавшую всю жизнь.

В 1878 г. уже знаменитый путешественник Н. М. Пржевальский, выбирая себе в помощники Роборовского, так писал о нем: «Человек весьма толковый, порядочно рисует и знает съемку, характера хорошего, здоровья отличного».

Позже, проверив в экспедициях, Пржевальский так охарактеризует его: «В.И.Роборовский — страстный коллекционер по части ботанической, лазил целыми днями по россыпям и скалам... Типы приходивших к нам как мужчин, так и женщин он втихомолку срисовывал, всегда искусно умевший пользоваться для этого удобными минутами». Но он был не просто исполнитель заданной программы исследований. Он юношески страстно относился к миру, открывавшемуся в походах, был истинным романтиком дальних экспедиций, отдавая всего себя познанию прелести и бесконечности природы. «Да, мы покинули цивилизованную жизнь, полную всяких стеснительных, так называемых удобств, и начали новую свободную жизнь, полную наслаждений природою, в объятия которой мы с любовью передавали себя на три года». В этой дневниковой записи — весь Роборовский, вся его восторженная натура.

Результаты его путешествий можно оценить числами: только в последнем походе пройдено 16 000 верст, нанесено на карту 222 000 квадратных верст земной поверхности (три территории Тверской области), среди привезенных коллекций 250 шкур и 30 скелетов редких животных, 1200 птиц, 450 экземпляров пресмыкающихся и рыб, 30 000 насекомых, в гербариях — 1300 видов (25 000 экземпляров) растений, семена 300 культурных и дикорастущих растений, 350 образцов горных пород, постоянные метеонаблюдения по всему маршруту. Объем и разносторонность исследований этого путешествия превосходят все, что было до Роборовского. Его вклад в науку о Земле огромен.

О путешествиях Роборовского в районной библиотеке имеется несколько книг, в том числе написанная им «Путешествие в восточный Тянь-Шань и Наньшань», в которой имеются и достаточно полные биографические данные. Всеволод Иванович последние десять лет почти безвыездно жил в Тараках, одолеваемый тяжелым недугом. Здесь он и скончался на 55-м году. Его могила находится на кладбище в селе Овсище Вышневолоцкого района, в пяти километрах от Тараков. У него была дочь. А сейчас в Тараки приезжает на лето его внука — Соловьева Лидия Николаевна со своим мужем

Михаилом Васильевичем, уроженцем д. Тараки. Они нам показали в деревне места, связанные с Всеволодом Ивановичем, вместе съездили в Овсище поклониться его праху.

Место, где была усадьба Роборовских, сейчас занято старым неработающим клубом и стоянкой тракторов и автомобилей таракинской бригады колхоза «Путь к коммунизму». Клуб сносят. Стоянку машин можно перенести в более подходящее место. Освободившуюся территорию, расположенную в центре деревни, на берегу Волчины, где стоят березы из прошлого века, хорошо бы превратить в уголок отдыха со скамеечками, цветниками. И там же поставить памятный знак о том, что в д. Тараки жил известный русский путешественник, ученик и продолжатель дела великого Пржевальского В.И. Роборовский. Этим летом АЭС и горсовет намерены поставить подобный знак на шоссе у деревни. Память о В. И. Роборовском должна жить в народе.

От составителя:

Памятный знак на месте усадьбы В.И. Роборовского в д.Тараки

Храм на меже

На высоком берегу Перховского озера, прячась за старыми деревьями, стоит скромная Богоявленская церковь. Последнее время общественность проявляет к ней большой интерес как к хранильнице не только старинных архитектурных культовых форм, но и удивительной настенной росписи. Конструктивно она проста: колокольня, составленная из четвериков в два яруса, да восьмерик большого купола — вот и вся церковь. Даже вход в нее не имеет украшений: икона да прорезные кресты на небольшой филенчатой двери. Но взгляните на боковые стены. Передняя часть имеет под карнизом орнамент, сделанный из целых кирпичей. Нигде не сколот ни один уголок, но как свеж, как точно прописан рисунок, как уместен он на стене с прямыми прямоугольными окнами и вертикальными выступами между ними, имитирующими поддерживающие колонны.

Вся церковь и окружающее ее старинное кладбище с оградой из дикого камня напоминает что-то о старосветских помещиках, немудреной однообразной деревенской жизни. Но войдите внутрь. За обглоданными косяками, среди полумрака и запустения перед вами вдруг открывается чудо. На стенах примерно с метровой высоты и до самого «неба» нарисованы картины, и не простые, а известные, знаменитых художников. Самая большая — «Явление Христа народу» А. А. Иванова — расположена над боковым южным входом в церковь. Размеры ее близки к размерам оригинала, находящегося в Третьяковке. Здесь же изображения Святого Апостола Архиппа и Великого князя Александра Невского, другие картины библейского содержания. Картины великолепны. Очевидно, роспись стен делал большой мастер. Существует легенда, что это работы самого Венецианова. Но Иванов свою картину закончил в 1857 г., через 10 лет после смерти Венецианова, да и внимательное рассмотрение убеждает, что роспись сделана значительно позже. Кто бы ни был автором росписей, главное сейчас — сохранить это великолепие, которое по размерам и качеству представляет настоящую картинную галерею.

Перховская церковь построена в 1803 г. Она очень похожа на Котлованскую, как будто ставил их один мастер. Сначала построил в 1798 г. Котлованскую церковь Воскресения — тяжелую, приземистую, а потом посмотрел на дело рук своих, прикинул, подумал и через пять лет сотворил Перховскую — сельскую скромницу — уютную и стройную.

Село Перхово впервые упоминается в писцовых книгах XVI века. В нем была усадьба помещиков Паисовых. Уже тогда там была новая церковь Николы Чудотворца. Поначалу деревянная и, естественно, что через два с половиной века на ее месте оказалась нынешняя каменная. Позже около барского дома и церкви появились крестьянские дворы. В 1859 году их было четырнадцать со 165 жителями. В 1900 г. в Перхове стало уже 24 двора со 169 жителями. Оно потеряло поместное значение, но зато стало центром церковного прихода, куда входили и ныне существующие деревни Ватутино, Быки, Дягилево Удомельского района и Очеп, Карзово, Шихино, Кузнецово Вышневолоцкого района. А всего в приходе жило почти две с половиной тысячи жителей в 24-х деревнях.

В Перхове 4 раза в год проводились ярмарки (5 — 6 января, 20 — 21 июля, 20 — 21 сентября и 11 — 12 декабря по старому стилю). На ярмарку привозилось (сведения 1847 г.) на 1000 рублей товаров и сбывалось на 550 рублей. Оборот по тем временам немалый. Вспомним старые русские сказки, в которых мужик выиграл у барина 100 рублей —

большей суммы он просто не мог представить. В 1883 г. в Перхове было открыто земское училище. Перхово и сейчас представляется большим селом, но живут там почти одни пенсионеры. В результате многих перекроек и реорганизаций Перхово оказалось на самой границе района. Жизнь в селе замирает, церкви грозит разрушение. Сейчас поднимается вопрос о спасении настенной росписи. Для этого необходимо восстановление церкви. Чтобы восстановить ее, нужен хозяин. Истинным хозяином такого заведения может быть только епархия и церковный приход, а не сельсовет или колхоз, как было до сих пор. Епархия есть в Твери. Приход же образуется на месте из окрестных деревень бывших Перховского, Сменовского и Овсищенского приходов. Ожившая церковь может благотворно содействовать социально-экономической обстановке вокруг живописного озера. Нужно только перешагнуть через границы и межи, разделившие древний приход и души людей, и помочь ему встать на ноги.

В настоящее время 215 человек из окрестных деревень подписались под заявлением о регистрации церкви в деревне Перхово. Представители инспекции по охране памятников г. Твери составляют смету на проведение первоначальных работ по восстановлению храма. Все, кто хотел бы принять в этом святом деле посильное участие, могут перечислить денежные средства на счет 142147 в Промстройбанке г. Удомли с пометкой: «на восстановление церкви в деревне Перхово», а также предложить другие виды помощи по телефону: 3-12-40.

Когда-то нужно начать свой путь к Храму...

От составителя: - В настоящее время церковь в Перхово отреставрирована.

Первое упоминание об Удомле

Известно, что первое летописное упоминание об Удомле относится к 1478 году, когда была осуществлена перепись всего тяглого населения, обязанного платить подати Московскому государству. Перепись эта оформлена в Новгородскую писцовую книгу Бежецкой пятины. Перепись была очень подробная и осуществлена не сразу после присоединения Новгорода к Москве, через некоторое время, возможно, через год - два. Но книга значится под 1478 годом — по дате распоряжения о переписи.

500-летие первого летописного упоминания Удомля уже отметила 15 июля 1978 года. А правильно ли отмечали эту дату? Почему именно 15 июля, а не в другое время? Поиск помог сделать некоторые уточнения в этом важном для удомельской истории событии.

В 1477 году великий князь Иван III Московский собрал огромное войско со всей Руси и направился на Новгород, чтобы наказать его за измену, за попытку объединиться с Литвой против Москвы и, сломив новгородскую гордыню боярскую, присоединить огромную русскую территорию к своей вотчине. В октябре московское войско окружило Новгород и предъявило ему ультиматум. Двенадцать недель думали новгородцы. В осажденном городе начался голод. Народ, возмущенный создавшейся обстановкой, грозил подняться против бояр, приведших Новгород к опасному противостоянию Москве, правящая новгородская верхушка вынуждена была пойти на переговоры о полном подчинении великого Новгорода центральному великому русскому княжеству — Москве. Как это произошло, рассказывает следующий отрывок из Симеоновской летописи:

«В зиму 1478 года 6 января на крещение во вторник владыка (глава Новгородской церкви — Дома Святой Софии) приехал к великому князю с посадником (Новгородским гражданским управителем) с житыми (почетными гражданами Новгорода) с верноподданическим челобитием, подкрепленным даром великому князю половины владении «владычных», монастырских и боярских, чьи буди». И князь великий велел владыке и посаднику вернуться в город, составить список на половину владений. 7 января пришли к великому князю владыка с посадником и житыми со списком половины владений, и князь великий пожаловал: «...у владыки половину волостей не взял, а взял 10 волостей: Порог Ладожской и земля Порожская по обе стороны Волхова, да в Нагорье Мелегожской погост, да Колбалской погост, а сох в них 40 и пол 4, а в Дреговлех погост, да Креницкий погост, в дву тех 50 сох, да на Мсте Белая, пол 40 в ней сох, да УДОМЛЯ 50 сох...» И спросил великий князь: «Что такое соха?» и отвечали новгородцы: «Соха — это три обжи. А обжа — один мужик с лошастью, а соха — три мужика с тремя лошадьми». Такая существовала мера для исчисления податей.

Итак, 7 января, а по новому стилю 20 января 1478 года — пока самая ранняя известная нам дата первого летописного упоминания названия Удомли. Нужно принять эту дату к сведению, чтобы ежегодно в школах и на предприятиях, учреждениях, в домах культуры и клубах отмечать ее чтением лекций и проведением бесед о далеких и ближних событиях на родной земле.

Земля Удомельская

(Упоминания в первой Новгородской летописи)

Удомля как населенный пункт существует с 1904 года, Удомельская же земля своим названием обязана озеру Удомля, вокруг которого концентрировалось древнее население. В средние века здесь была волость Удомля и несколько погостов, именовавшихся по волости: Никольско-Удомельский (вокруг озера), Богородицкий Удомельский (в Поддубье), Егорьевский Удомельский (в Котловане), Покровский Удомельский.

Первое летописное упоминание об Удомельской земле относится к 947 году. «В лето 6455 (947 г.) иде ОЛГА к Новугороду и уставе по Мьсте погосты и дани». Река Мста, как известно, протекает по территории колхоза им. Дзержинского нашего района, а севернее на протяжении 20-ти километров является его западной границей. Скупы строки о нашей земле в великолепной Новгородской первой летописи. Она рисует картину своего времени крупными мазками, опуская мелочи повседневности и однообразие лесных пространств, куда зачислена и удомельская территория. Но, не называя ее по имени, летописец все-таки пишет о ней как земле Бежецкой пятины, земле по Мсте (Помостье), земле между Мстой, Торжком и «Бежецким верьхом». Мне удалось прочитать эту летопись и все, что касается Удомельской земли, выписать, переведя, чтобы предложить вниманию земляков. Пусть эти краткие сведения из немыслимо далекой старины осветят корни нашей истории, нашего рода, чтобы чувства собственного достоинства и ответственности перед нашими предками обратили сердца к добру и миру, к взаимопониманию и созиданию.

В 1147 г. князь Юрий совершил поход на Новгород и «взя Новый Торг (Торжок) и Мьсту всю взял».

В 1196 — 1197 годах новгородский князь Ярослав, разругавшись с новгородцами, ушел из Новгорода и стал княжить в Торжке. Новгород всю зиму был без князя, а Ярослав в это время собирал дани с новгородской земли...

В 1245 г. воевала Литва около Торжка и Бежицы. Погнались за ними новоторжцы с князем Ярославом Володимировичем и бились с ними. А Литва отняла у новоторжцев коней, самих побила и пошла к себе с добычей. Погнались за ними Явид и Ербет с тверичами и дмитровцами и Ярослав с новоторжцами, и били Литву под Торопцем.

В 1273 г. Святослав с тверичами начал захватывать Новгородские владения: Волок, Бежицы, Вологду...

В 1312 году князь Михаил обиделся на Новгород, увел своих наместников, не пуская обилия (продовольствие) в Новгород, и захватил Торжок и Бежичи и всю волость.

В 1332 г. великий князь Иван пришел из Орды и обратил гнев на Новгород, требуя от них серебра закамского, и за новгородскую измену взял Торжок и Бежецкий верх.

В 1397 году князь великий при заключении договора у Новгорода отнял Волок Ламский с волостями, Торжок с волостями, Вологду, «Бежечки Верхъ», а потом отказался от договора и договорную грамоту выкинул...

В 1434 г. приехал князь Василий Юрьевич в Новгород при владыке Ефимие. Той же осенью князь Василий Юрьевич выехал из Новгорода и, едучи по Мсте и Бежецкому верху, много грабил, и много зла было от него. Той же зимой князь великий Василий Васильевич договорился с новгородцами возвратить им исконные новгородские земли Бежецкого верха и Ламского волока, и на Вологде, а новгородцы обязались уступить князю «где ни есть».

В 1436 г. послали новгородцы на отвод земель на Бежецкий верх посадников Григория Кирилловича и Ивана Максимовича.

В 1442 г. князь великий московский невзлюбил князя Дмитрия Юрьвича и погнался за ним, а тот побежал «в Новгорочкий Бежечкий верх» и многим волостям «пакости учини».

В 1444 г. князь великий тверской много захватил земель и сёл новгородских «Бежичкий верх и Заборовье и Новоторскыи волости еси».

В 1445 г. зимой тверской князь Борис захватил 50 новгородских волостей, захватил и ограбил бежецких и новоторжских и Торжок взял.

В том же году, 22 августа тверской князь Борис послал своих воевод на Торжок, последних людей ограбил и разогнал, часть побил, часть полонил, пленных и товар московский, новгородский и новоторжский в 40 лодках отправил в Тверь.

Эти краткие выписки из Новгородской первой летописи, мне кажется, должны удовлетворить для начала информационный голод по истории Удомли в первой половине второго тысячелетия. Они могут стать иллюстративным материалом на школьных уроках истории. Размеры газетной публикации не позволяют комментировать их. Надеюсь, что указанные даты помогут найти место названным событиям на многоцветном и обширном полотне отечественной истории.

Берестяные грамоты в Удомельском крае

О скудности исторических свидетельств в нашем районе, особенно, за так называемый Новгородский период, я уже сообщал читателям. Все, что можно было найти в рукописях о нашей земле, очень кратко, крупными штрихами поместилось на паре машинописных страниц. Но поиск продолжается, я могу сообщить, что найдены еще материалы об истории нашей земли, проливающие свет на условия жизни, взаимоотношения между людьми конкретно в названных деревнях с названными именами действующих лиц. Это берестяные грамоты. Оказалось, что береста, на которой нацарапаны острым предметом тексты, почти не испортились, пролежав в земле не менее 500 лет. Сейчас найдено примерно 700 грамот. Они представляют обрывки бересты, потому что никто не собирал и специально не хранил, а, как правило, рвал и выбрасывал берестяные письма, как это делается и сейчас. Знакомство со всеми найденными берестяными грамотами дает основание предполагать, что, по крайней мере, пять из них имеют отношение к удомельской истории.

Грамота № 55, относящаяся к XIII в., на которой можно прочесть одну фразу: «Господин, возми дворнюю к Фомине жене в Акосово...» т. е. автор просит взять грамоту на владение двором к жене Фомы в Акосово. Значит, 700 лет тому назад уже существовал определенный имущественный учет. Так что государственная власть, проявлявшаяся в учете и законодательном подтверждении прав на имущество, уже действовала. В нашем районе еще в 1958 году в Верескуновском и Куровском сельсоветах были две деревни с редким названием Аксово или Оксово. В середине XVI в. эти деревни жили и здравствовали. Есть основание утверждать, что в берестяной грамоте идет речь об Удомельском Аксове.

Грамота № 53, относящаяся к XIII — XIV вв. Это письмо землевладельца к своей жене, сохранившееся полностью: «Поклон от Петра к Марье. Покосили мы пожню, а озерцы у меня сено отняли. Сделай выписку из купной грамоты и пришли сюда. Как будет в грамоте, так я и буду поступать». В Новгородских писцовых книгах встречаются 2 деревни с названием «Озера», жители которых были, естественно, озерцами. Одни Озера находились под Новгородом, откуда можно было легче доехать, чем писать... Вторые Озера находятся и сейчас на территории Удомельского района. Значит, речь идет о наших озерцах. Несмотря на то, что дело было около 700 лет тому назад, в глухую пору раннего феодализма, когда сильный творил суд и расправу, для установления истины автор все-таки обращается к купной грамоте, а не применяет карательные меры. Значит, в ту пору договор, условие, записанное в документ, уважалось и соблюдалось договаривающимися сторонами.

Грамота № 318, датируемая 1340 — 1369 годами. «Се купило минуло у князя великого бороце у Василя Одреана кузнеца и Токову, и Островну, и Ратковици Кодряца, и Ведрово...» Речь идет о покупке у великокняжеского бороца — сборщика податей Василя кузнеца Одреана (Андриана) и (деревень) Токову, Островну, Ротковичи (Ротково) Кодряца и Ведрово... Обратим внимание на то, что кузнеца и деревни уже можно купить. Это еще не было крепостным правом, но крестьянин уже стал не вольным хлебопашцем, а товаром, который продавался-покупался. Обратим внимание и на название деревень. Село Островно живет поныне в Удомельском районе, и деревня Ротково (Ротквици), что в семи километрах на северо-запад от Островно, исчезла совсем

недавно. Не исключено, что это наши деревни, и то, что написано в грамоте, произошло на нашей земле.

Грамота № 494, датируемая концом XIV — первой четверти XV вв. (1390—1425 гг.) гласит: «...господин, село Еремкинское Кокова у меня отнял, да еще меня, господин, напрасно...» Дальше грамота оборвана, и история никогда не узнает, что же сделали с автором напрасно. Это владелец деревни жалуется своему господину, что у него отняли деревню. Значит, все-таки, произвол был, что вроде противоречит грамоте № 53.

Но чего только не было раньше! Привлекает внимание название «Еремковское» и имя «Кокова». Раньше на юго-запад от Удомли была усадьба Ковино, т. е. основатель ее был Кокова. Не он ли дотянулся до владельца Еремкинского, в котором нам, удомельским жителям, слышится «Еремково»? В списках XV в. в районе эти населенные пункты были. Может быть, берестяная грамота их упоминает?

Грамота № 310, датируемая первой половиной XV в., хорошо сохранилась и прочитывается полностью. «Челобитная господину посаднику Новгородскому Андрею Ивановичу от его Ключника Вавулы и от твоих крестьян, которые с Илова пришли к тебе, Захарка да Несторко, жили за Алексеем Щукой. Ныне, господин, Алексей не хочет дать нам ржи. Побеспокойся о нас, господин, о своих крестьянах. Надеемся, господин, на бога и на тебя, нашего господина». Из этого документа следует: 1. Посадник Андрей Иванович — лицо известное, упоминается в 1415 году в связи с выборами архиепископа, и в 1421 году, когда против посадника выступили Неревской и Славенской концы Великого Новгорода. Андрей Иванович был отцом будущего посадника Исака Андреевича Борецкого и свекром Марфы Посадницы, на имя которой была записана волоска Липна, практически вся северная часть района. Андрей Иванович, естественно, имел отношение к крестьянам, которые пришли с Илова. Илово — озеро и погост в северо-восточной части района. Наконец, Алексей Щука был основателем селения Щукино, которое в XVI веке было в районе озера Илово. Значит и здесь речь идет об удомельских делах. Интересно, что крестьяне могут жаловаться, искать защиты, а ключник их поддерживает, что позднее, при крепостном праве, делать было уже невозможно.

Котлован

Еще до войны меня заинтересовало, почему среди долины ровной появилось на слух «ямообразное» название — село Котлован, и неподалеку от него — три деревни Комарно, как будто тамошние комары более знамениты, чем удомельские. Этот интерес заставил покопаться в архивах, где удалось выяснить следующее.

До 1478 г. волость Удомля, куда входила и территория современного Котлованского сельсовета, принадлежала Новгородскому Дому Святой Софии и подчинялась новгородскому архиепископу, которого за большую власть, сосредоточенную в его руках, называли владыкой. Волость в те времена означала владение. Волость была обязана обеспечивать продовольствием (кормом) владыку и его Дом, его управление и службы новгородской церкви. Поэтому Удомельская волость имела еще квалификационное название «кормленская владыченская» или «кормлена», или «корманая владычная». Основная масса крестьян платила оброк владыке продуктами сельскохозяйственного производства, а какая-то часть их, овладев ремеслом или сумев открыть торговлю, рассчитывалась с владыкой по отдельному договору («по ряду») деньгами или своей ремесленной продукцией. Вспомним уходящее из обращения слово «рядиться», т. е. договариваться, торговаться. Такие люди назывались рядовичами и селились отдельно от крестьян-землепашцев в рядах.

В списке 1478 г., по которому Удомля передавалась от Новгорода в личную собственность великого князя московского Ивана III, записано: «Да к Удомле ж Рядок Комарной на реце Съеже у Льстима озера в Спасском погосте...» В 1551 г. в писцовой книге Бежецкой пятины эта фраза с небольшими отклонениями повторяется: «Да в Удомле Рядок Корманой на реце Съеже у Устима озера в Спасском же погосте». Сравним эти две фразы и заметим, что Рядок в одном случае назван «Комарной», в другом — «Корманой». Первое слово знакомо всем, второе — только новгородским чиновникам да волостелю - управителю волости, который собирал и отправлял «корма». В результате название Рядка «Корманой» в народе произносилось как «Комарной». При следующих переписях опрашиваемые местные жители называли Рядок «Комарной», тем самым закрепляя его в документах.

Время шло. От Корманого Рядка выделились крестьяне - ремесленники, получившие землю. Они тоже образовали Рядок Корманой, но так как «корм» с XVI в. потерял новгородский смысл, он прочно стал именоваться Комарным. Старый же Рядок постепенно потерял свое квалификационное название и назывался с некоторого времени Старым Рядом.

А новый Комарный Рядок превратился в обычную крепостную деревню Комарно. Позже из нее выделилось Новое Комарно и Тормасово Комарно. Последняя названа по фамилии помещика Тормасова. А родоначальница этих Комарно стала называться Старое Комарно.

Еще в 1859 г. она имела второе название — Рядок. А где же Котлован? Перебираю названия деревень по списку 1478 г.: Артемьево, Овсянниково, Трестино, Фомино, Черед, Якшино... Котлована нет.

В списке 1501 г. находятся деревни не то Колтиван, не то Котливан, не то Колытван и Колитванец. Прочитать все буквы невозможно: время стерло их очертания. Но эти деревни находились в волостке Липны Марфинской Исаковой в Рождественском погосте. Значит, нашему Котловану еще не пришло время появиться на свет.

И только в 1610 г. появляется первое упоминание о Рядке Котлован. Но там уже есть Рядок Комарной, который, как мы выяснили, стал Старым Рядом. Значит, прежде, чем стать Старым Рядом, Комарной Рядок еще назывался Рядок Котлован. С двойным названием он жил долго. Еще в 1859 г. записано: Котлован (Старый Ряд). Дальше происходит разделение поселения: по одну сторону озера — Старый Ряд, по другую — Котлован, а с торца озера — церковное поселение Воздвиженское. Теперь все это слилось в единый поселок Котлован, который стал хозяйственным центром северной части района.

Наконец, о названии Котлован. Здесь пока не все ясно. Он мог получить название от озера, название которого котлованцы не знают. Озеро да озеро! А что оно Котлован или какое иное название, никто уверенно не скажет.

А может, произошло от прозвища человека, как большинство удомельских деревень. В 1545 г. в летопись был записан новгородский крестьянин по прозвищу Котлован. Не он ли стал «крестным отцом» не совсем обычного и загадочного названия Котлован? Давайте вместе подумаем, поспрашиваем стариков, соберем материал и сделаем какие-то выводы по истории Котлована, в которой еще столько интересных загадок.

О женском Удомельском монастыре

Интересное место между озерами Песьво и Удомля. Когда-то эти озера соединялись маленькой зигзагообразной протокой, на которой стояло село Троица. От него теперь остались церковь с кладбищем. За мостом, через протоку с правой стороны тянулось узкое зыбучее болото-плавь, через которое перебегала осторожная тропинка в с. Стан, располагавшееся на обоих берегах р. Съежи при истоке ее из озера Удомля. Справа стояла церковь во имя Николая Чудотворца, из-за чего в старину село называлось Никола-Стан. А на левом берегу, между плавью и истоком реки, еще на моей памяти стояли четыре хуторских двора. Вокруг хуторов — поля и перелески, а к Стану — большой выгон. Берег озера у хуторов был сухой и отлогий, а озерное дно — мелкое и твердое, с большими валунами, выглядывавшими из воды. Противоположный берег, на котором стояли Троица, Слободка, Лубенькино был рядом. Волна редко мутила воду у хуторов. Здесь было тихо, спокойно и красиво.

Хутора эти появились, скорее всего, в 20-е годы XX века, а вообще-то занятая ими земля искони была церковной, о чем сказано еще в писцовой книге в 1551 г. Там же было записано, что «в Удомле ж монастырек убогий Пятница Святая... А в монастырьке церковь Пятница святая храм, а в монастыре старицы: 10 монахинь — черниц и 5 еще непостриженных — белиц».

К сожалению, о местоположении монастыря трудно было судить по писцовой записи. И вот недавно в одной из «Памятных книжек Тверской губернии» за 1861 г. находятся дополнительные сведения: «...в 120 саженях от Богословской церкви стоит деревянная Пятницкая часовня на том самом месте, в котором в 1582 г. была церковь об одном престоле во имя Преподобной Параскевы Пятницы, а в 1650 г. с приделом Великомученицы Екатерины». Таким образом, можно отметить еще один исторический объект, бывший на Удомельской земле — женский монастырь Параскевы Пятницы. Место его нахождения известно — 120 саженей от Троицкой церкви на север. Время его существования зафиксировано документально датами 1551-го, 1582-го и 1650-го годов. Конечно, «монастырек» существовал и раньше 1551 г. и позже 1650 г. Вероятным его концом был 1764 г., когда по Указу императрицы Екатерины II прошла т. н. секуляризация церковных земель. Мелкие монастыри были ликвидированы или переведены в ранг приходских церквей. После исчезновения монастыря прихожане Удомельско-Николаевского прихода поставили на его месте деревянную часовню по имени монастыря. К сожалению, эта историческая отметинка не дожидая даже до 1900 г. Правда, в народе очень долго берег озера и поле сохраняли название «Пятница». Почему, догадаться было трудно, пока не попались под руку соответствующие документы.

С началом строительства КАЭС межозерье сильно изменилось, изменились даже очертания берегов, но «Пятница» сохранилась. Туда можно пройти и посмотреть, где божьи девы содержали свою обитель, а, может быть, заняться исследованием этого памятного места.

Таинственный Храм на озере Кезадра

Несколько лет назад из разговора с дачником из Москвы, снимавшим в дер. Устье на лето пустую избу, узнал, что есть у него лодка на озере Кезадра, чтобы «побаловаться» рыбной ловлей, и стоит эта лодка около церкви, примерно в трех километрах по берегу. О том, что церковь на Кезадре была, я знал. Но то, что она стоит до сих пор, явилось для меня новостью.

Правда, однажды наш знаменитый краевед Ю. М. Смирнов рассказал, что как-то, бродя в окрестностях озера, он наткнулся в чаще леса на церковь. Возникло желание увидеть этот потерянный в прибрежных лесах таинственный храм. Нужно было только выбрать время, когда спадет листва, лес станет прозрачным, и всякое строение в нем будет видно издалека.

И вот в конце октября прошлого года, когда первый крепкий морозец присушил землю, а первый снег прикрыл ее неровности, наш маленький авторский коллектив выехал в Устье. Проехать в сторону Березно не удалось. В лесу по дороге огромные лужи покрылись тонким ледком, под которым скрывались коварные ямы, и только гребни колеи обладали какой-то прочностью и держали пешехода. Почти от Устьинской кузницы мы начали свой пеший поиск. Шли осторожно, чтобы не провалиться в яму. Свежий кабаньий след вел нас по твердой дороге. Чуткий кабан, услыша говорливых пришельцев, неторопливо трусил где-то впереди, обходя топкие места. Так мы прошли километра два, внимательно просматривая северную прибрежную, сторону от дороги. Уже стало видно озеро сквозь деревья, сильнее загудел ветер на открытом пространстве, но никаких следов «цивилизации» не встречалось.

Дорога стала отходить от озера влево. Остановились, прикинули и немного вернулись назад. В стороне темнела плотная чаща леса. Решили ее проверить. Снегу было сантиметров двадцать, и мы «пахали» целиной, опасаясь попасть ногой в какую-нибудь осеннюю ловушку. Метров через двести дорогу перекрыла широкая лужа, форсировать которую сходу не решились. Осмотрели внимательно впереди лежащий лес. Было так мертвенно глухо и неподвижно, что создалось впечатление, будто здесь вообще ничего быть не может. И мы повернули в сторону Устья, не теряя надежды на обратном пути, еще более внимательно вглядываясь в глубину леса, увидеть церковь.

Снова пытаемся дойти до озера и, не отступая далеко от него, прочесываем взглядом прибрежные заросли. И вдруг, метрах в пятидесяти впереди увидели темную полосу поперек нашего пути. Это была кладбищенская ограда из дикого камня. Такие ограды издревле делали на удомельских погостах. А через минуту увидели и саму церковь, точнее, то, что от нее осталось.

Церковь — деревянная. Она была построена еще в 1705 году, во времена Петра I. Простоять два с лишним века деревянному зданию — событие, достойное уважения. Теперь это самая древняя постройка в районе. Когда-то она была обшита, и венцы ее еще смотрятся медно - звонкими, хотя тлен лежит на них серым налетом. Южная стена сгнила и рухнула вместе с крышей, открыв внутренности, где на стенах местами сохранилась штукатурка на удивительно свежей обрешетке. Провалилась деревянная паперть, перекошились оставшиеся стены, в некоторых окнах еще держатся решетки. Лес подступил вплотную к церкви и уже своими корнями, словно пытается приподнять ее над землей.

С давних времен существовал погост Кезадра с церковью Христорождественской, имевшей единственный престол Рождества Христова. Под церковью и кладбищем было занято 2/3 десятины. А всего церковных земель было около 105 десятин, в том числе 49 пашни. К началу века здесь служил Иван Васильевич Павловский, 1830 года рождения, после окончания духовной семинарии в 1855 г. назначенный в приход Кезадра, а с 1875 г. ставший священником. Состоял членом благотворительного совета, заботившегося о «призрении немощных и сирых». За долгую непорочную службу в 1899 г. награжден камилавкой — фиолетовой бархатной шапочкой, знаком отличия белого духовенства.

Псаломщиком в этой же церкви служил Василий Степанович Тихомандрицкий.

Фамилия его была по речке Тихомандрице, вытекающей из озера Наволок и впадающей в озеро Удомля у Каскова. Неподалеку от северной окраины Каскова была церковь Покрова — Тихомандрицкого прихода, откуда и пошли род Соколовых, Тихомандрицких, Покровских и Менделеевых.

Приход Кезадра располагался вокруг озера Кезадра и обслуживал деревни Березно (28 хозяйств), Вороново (21 хозяйство), Рубчиха (17), Тупики (35), Устье (65), Ханеево (15), Голодяиха (16), Елейкино (11), Фофаново (16), Хмелевка (24), Брындино (16 хозяйств). А всего в приходе насчитывалось 300 дворов с 1450 жителями. Кроме того, здесь были сельца — частновладельческие усадьбы — Коптево, Самуилово, Рождественское, Ворониха, Березовец. В них жили помещики, господа из Петербурга, духовенство.

Первое упоминание об этих местах находим в записях художника В.К. Бялыницкого - Бируля: «...Он отрекомендовался Николаем Ильичем Колокольцовым, рассказав, что служит податным инспектором в Кимрах, а на станции Троица Вышневолоцкого уезда, на озере Кезадра, находится его имение. — Вот куда вам собраться как художнику и охотнику. Дом у нас громаднейший, близ озера, и охота сказочная... На следующий день приезда в Ворониху — имение Колокольцовых, я понял, что это не во сне, а все я вижу наяву». Здесь, в Воронихе, с 1902 г. и обосновалась компания художников: А.С. Степанов, Н.П. Богданов - Бельский, С.Ю. Жуковский, А.В. Моравов и В.К. Бялыницкий - Бируля. Эти художники и прославили Удомельскую землю.

Семейство дворян Колокольцовых появилось в уезде в середине XIX в. Их фамилия встречается в документах купли-продажи земельной собственности с 1847 г. Они владели землями в Лоховском, Дерягине, Воронове. После реформы Колокольцовы, продав почти все земли крестьянам и оставив за собой усадьбу в Воронихе, перешли на государственную службу. Николай Ильич стал податным инспектором, а его сын, надворный советник Николай Николаевич, в 1909 г. был избран членом уездной земской управы, а с 1912 по 1915 гг. был ее председателем. Он имел дом и немного земли в Сигове, был, очевидно, любопытным человеком, потому что управа на его полях проводила показательные опыты по внедрению многопольных севооборотов, по возделыванию многолетних трав и корнеплодов, применению минеральных удобрений. Все это в ту пору было в новинку, и крестьянам надо было доказывать на живых примерах. Возможно, Николай Николаевич и подсказал Бялыницкому - Бируля место для постройки дачи «Чайка».

Озеро Кезадра имеет площадь 5,4 кв. км. Длина его 6,5 км, а ширина колеблется от 0,6 до 2,5 км. У него четыре больших залива, сильно отличающихся один от другого по форме, расположению, пейзажем. Северный берег его отлог, а южный — высок и сплошь лесист. Кезадра при переводе с вепского языка означает Теплый, или Талый берег. Где там теплый или талый берег, еще надо разбираться, но что озеро прекрасно, может убедиться каждый. Поэтому и поселились здесь художники, каждый выбрав для

своих полотен любимый мотив, звучащий на Теплом Берегу. Особенно много писал картин на Кезадре Бируля, как по-простому звали наши мужики уважаемого Витольда Казтановича. Вот его картина «Осенний ветер». Кипит озеро под холодным серым осенним небом. Холодная даль очень похожа на берег, едва видимый от Ворониhi в сторону Елейкина. Это — Кезадра.

В. К. Бялыницкий-Бируля.
Церковь на озере. 1910 г.

Картина «Церковь на озере Удомля». Не верьте написанному. Это церковь на озере Кезадра. И церковь, и озеро, и вся компоновка картины — все взято с погоста Кезадра, хотя теперь трудно узнать это место, заросшее лесом, заглухшее от безлюдья. Картины «Глухари» и «Радостный май» — это тоже виды Кезадры с разных точек, при разном освещении, с разными деталями, оживляющими полотна. Озеро многолико и разнохарактерно. Художник находит на

нем все оттенки настроений, от возвышенного эпоса до лирического сонета, от громового баса до мягкого тенора. А простой человек всегда отдыхает душой на берегах этого маленького океана красок и звуков.

Кажется, совсем недавно берега Кезадры были заселены. Днем по озеру плавали лодки рыболовецкой бригады удомельского рыбзавода. В Устье находилось рыбное хозяйство, занимавшееся разведением малька промысловых рыб. По южному берегу на Устье проходил тракт от Удомли в сторону Смердыни, ныне Лесного. По ночам на берегу мелькали звездочки огней прибрежных деревень. Даже в студёные зимние ночи, когда тракт с берега сползал на озерный лед и путнику казалось, что до берега теперь никогда не дойти по ледяной равнине, по сторонам его продолжали сопровождать огни человеческого жилья. В Устье шумела мельница, работала школа, почта, магазин.

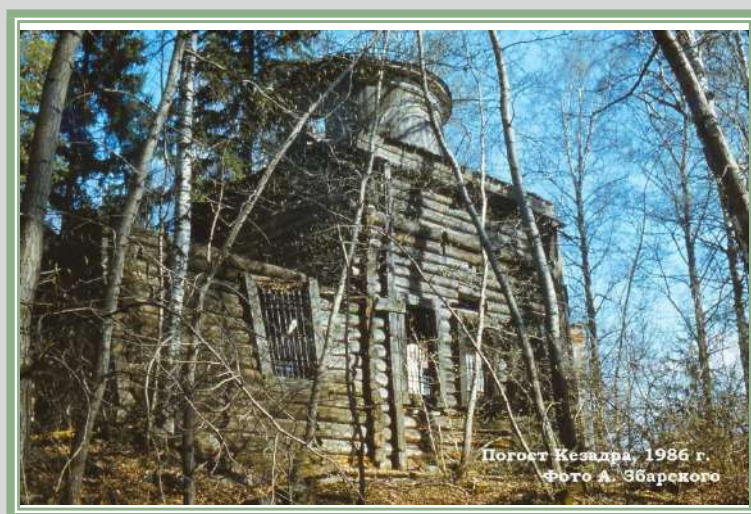
Теперь озеро Кезадра и весь погост обезлюдели. К 1986 г. от всего бывшего прихода остались деревни Елейкино (3 хозяйства), Ханеево (одно), Устье (18), Березно (3 хозяйства). Итого 25 дворов. И сам центр прихода, как видите, надо долго и трудно разыскивать в безголосом лесу.

Мы уходили от церкви к югу. Через тридцать метров встретили знакомую лужу и собственные следы на той стороне. Обошли ее, оглянулись. Церкви снова не было видно. Скрылась она от праздного взгляда людского, как былинный град Китеж. И опять густо шумел ветер вершинами деревьев, снежное покрывало заговорчески прятало примороженную землю.

Отшумела жизнь — с помещиками и художниками, крестьянами и рыбаками, со всякими потрясениями и застоями, но — жизнь. Умолкли человеческие голоса. Однотонно гудит наверху ветер, однотонно внизу шумят волны. Одиноко и печально. А развалившаяся церковь напоминает о бренности бытия, в котором мало чего остается человеку.

От составителя: - фото храма на озере Кезадра, каким его увидел в 1986 году А.Збарский

Ещё раз об академике Заварыкине

Плита на могиле академика Заварыкина на Троицком кладбище не дает покоя удомельским краоведам. Долгое время о Заварыкине ничего не было известно. А. О. Юнг и А. Б. Крючков разыскивали его биографию. Она обрывается выходом академика в отставку. Дальше — только могильная плита. Начались поиски в Удомельском районе. Старожил А. И. Милюков сказал Алексею Борисовичу, что Заварыкин имел имение в дер. Роднево. Кажется, нашли, что искали. Но в «Сборнике материалов оценки земель Тверской губернии» в 1911 г. в дер. Роднево записаны земли помещиков Чиримовых, потомков героя войны 1812 г., Русиновых, пяти семей из дер. Ряд, купивших помещичьи земли, о чем говорил А. И. Милюков, но не было Заварыкина. А вот в Зиновьеве, в восьми километрах западнее Роднева, записаны земли, принадлежавшие ранее помещику Заворыгину. В этой фамилии буква *Г* вместо *К* долго у меня вызывала сомнение: а был ли академик Заварыкин землевладельцем в нашем районе? На землях Заворыгина в 1911 г. было 15 крестьянских дворов с 87 жителями, из которых 17 человек были грамотными. И владели они 104,5 десятинами удобной надельной земли. Следует отметить, что в Зиновьеве были еще землевладельцы Ф. И. Русинов и Л. В. Кроткова.

А недавно мне попадает в руки «Список потомственных дворян с указанием принадлежащей в Вышневолоцком уезде земли по состоянию на 1920 г.». В нем записано: «Заварыкин Федор Николаевич—60,25 десятины».

По документам 1886 г. в Зиновьеве было пять землевладельцев, двое из которых купили землю (66 десятин). Вероятно, среди этих двух был и Заварыкин, потому что в более ранних списках такая фамилия не значится. Земли же эти записаны как «бывшие государственные, принадлежащие личным собственникам». Это значит, что Заварыкин не был помещиком, что соответствует его биографии. Он землю купил и, возможно, большую часть сдавал в аренду крестьянам. Академик материально был обеспечен научно-педагогической работой, и земля для него была местом летнего отдыха.

Самое загадочное во всей истории с Заварыкиным состоит в том, что он похоронен не в том церковном приходе, где жил. Зиновьевского жителя похоронили бы в Ильинском погосте, родневского — в Верескунове. А Заварыкин похоронен в Троице. Федор Николаевич ушел в отставку в 60 лет, по тем временам возрасте солидном. Дальнейшая его судьба мне представляется так: отойдя от науки в свою зиновьевскую обитель, Заварыкин уже не мог заниматься хозяйством. Не исключено, что он был одинок, беспомощен в житейских делах и искал себе опору. Она нашлась в лице владельца имения Бережок врача Беллярминова, который, может быть, был учеником Федора Николаевича.

Он взял старого академика жить в свое имение. В эти годы у Беллярминова гостили художники. Собиралась интересная компания. Прекрасная природа, живописный бережковский дом с парком и прудом на берегу очаровательного озера Песьво — что еще нужно для отдыха от трудов праведных! Здесь и скончался Федор Николаевич и, конечно, был похоронен в Троице. При такой раскладке фактов и домыслов нашим краоведам стоит поискать в Петербургских архивах материалы о Беллярминове. Возможно, через него откроются новые страницы жизни академика, закончившего свой путь на нашей земле.

А что у нас под ногами?

Еще в детстве, глядя в бездонное небо, невольно задумывался: «А что у нас глубоко внизу, под ногами?» Мы учили в школе, что земля — шар, что в центре его — ядро, а вокруг ядра — магма — расплавленная масса, порой изливающаяся из вулканов. А на магме — твердь земная, на которой мы и живем. И эта твердь нам незнакома, полна загадок и легенд. Почему же наша земля так прочна и живописна? И что находится под Удомлей?

Вспомнилось, как после войны, 1948 г., у Лайкова-Попова появилась буровая вышка, невиданная доселе в наших местах. А в газете «Призыв Сталина» — громкий заголовок: «Найдем нефть в Удомельском районе!» Оказалось, что не нефть искали, а проводили геологическую разведку, дабы ответить на заданный выше вопрос.

Перед строительством КАЭС в 70-е годы были пробурены еще две глубокие разведочные скважины, материалы которых помогли заглянуть в неведомые глубины...

Истинная твердь, гранитная толща, которая, как мантия, прикрывает раскаленную магму, находится под Удомлей на глубине около двух километров. Это самый древний слой Земли — архей, образовавшийся примерно 2,6 млрд. лет назад.

Несколько позже наша местность была дном древнего моря. На дно постоянно выпадали осадки в виде глины и песка. Там же оставались скелеты кораллов и моллюсков. Море ушло на восток примерно 340 млн. лет тому назад, оставив после себя слой осадочных пород в 1200-1300 метров. Наступил каменноугольный период, время, когда происходило образование каменного угля и известняков. У нас каменного угля нет. Очевидно, не было подходящих условий для его образования, но зато известняки, или карбонаты, образовали 100-200-метровую толщу, имеющую ещё одно название — карбон.

Наконец, в последний миллион лет на нашу землю несколько раз приходили ледники — огромные, толщиной в несколько сот метров ледяные поля, которые медленно, но упорно перепахивали поверхность карбона, перемещали миллионы и миллионы кубометров грунта на многие сотни километров из Норвегии, Финляндии, затем таяли, сортируя тальми водами пески и глины, валуны и гравий, оставляя их в виде нагромождений — морен по всей территории. Последний из ледников, названный Валдайским, ушел с удомельской земли примерно 12-14 тысяч лет тому назад. После себя он оставил безжизненный арктический пейзаж: горы глины, песка, камней. Горы невелики: 10—20 метров от подошвы до вершины. Но в Удомельском районе они расположены на высоте 150 — 220 м над уровнем моря. А самая высокая точка района — на высоте 227 метров (это в дер. Кобылиха, что когда-то была недалеко от Пашнева). Самая же низкая точка поверхности района расположена на высоте 140 метров над уровнем моря. В итоге разница в высотах составляет 87 метров. А это примерно две удомельских 16-этажки, поставленные друг на друга. Вот такие наши высоты.

Между горами-холмами собралась ледниковая кристально чистая вода — озера. Озера в течение многих лет переполнялись и истекали реками. С отступлением ледника климат теплел, сначала появилась тундровая, затем таежная, лесная растительность. В леса пришли животные, за ними — человек.

Для ныне живущих наибольший интерес представляют самые верхние слои земной коры. Мы пользуемся их дарами: копаем глину и песок, качаем воду. Чтобы получить

сведения об этих слоях, воспользуемся материалами, которые дают 113 карьеров, 17 исследованных месторождений, 50 артезианских скважин, находящихся в нашем районе.

Если карьеры вскрывают нутро земли до глубины 8 — 10 метров, то артскважины «заглядывают» в нее на глубины в 50 — 70 метров. Самые же глубокие из них достигают 130-ти метров. Все они выкачивают воду из карбонового слоя. И по этим скважинам можно восстановить рельеф района каменноугольного периода. Оказывается, что нынешний и миллионолетней давности рельефы очень похожи. Там, где раньше была возвышенность, и теперь поднимаются высоты, где раньше обозначены речные долины, и теперь текут реки. Остался на своем месте и Великий водораздел, проходящий через Удомлю.

Таким образом, в ином свете выглядят споры о карстах, которые, мол, несут угрозу провала реакторов КАЭС. Во-первых, вероятность появления карста — пещер в известняке чрезвычайно мала, потому что на водоразделе очень мало текучих подземных вод, вымывающих известняк и образующих карст. Карстовые пещеры обнаруживаются ниже по течению Мсты, в районе Боровичей и дальше. Во-вторых, если бы у нас был карст, карбоновый слой постоянно бы осушался, и артскважины не могли бы взять из него воду. Наши же скважины действуют исправно.

Толща, пронзаемая скважинами, представляет собой «слоеный пирог» из различных пород. Правда, породы немногочисленны: глина, песок, гравийные смеси, известняк. Но каждый материал в свою очередь делится на множество «сортов» по крупности частиц, по цвету, плотности, по примесям. У нас таких «сортов» около 50-ти, из них 8 видов известняков, 14 видов глин, 5 сортов песка, 9 — суглинков, а еще разные супеси, смеси с гравием и галькой, песчаники, алевроиты, доломиты. Каждая скважина пронзает от 4-х до 8-ми слоев, а в Лугинине скважина, углубляясь на 110 м, проходит 11 слоев. Каждый слой имеет мощность от 3-х до 40 метров. А в Ермолине на глубине двух метров начинается бурая плотная глина с гравием и галькой, залегающая до глубины 75 м. В самом низу расположены известняки, а наверху, над всем разнообразием пород, созданных фантазией природы, лежит тонкий слой почвы. Его толщина колеблется от 10-ти до 30-ти см. Наша почва называется подзол, потому что древний земледelec обнаружил его под золой выжженного леса для поля. Наш подзол — это промытая избытком влаги почва, щедро сдобренная камнями от мелкого гравия, до тяжеловесного валуна. Если под подзолом находится глина, почва становится подзолистым суглинком, если песок, то подзолистой супесью. На возвышениях почва легко смывается, и тогда на поверхности появляются «живые» глина и песок. В понижениях слой почвы толще, но он переувлажнен, и посеянные культуры там могут вымокать. Поэтому пахарь должен быть осторожным на поле: не пахать глубоко, не выворачивать наверх мертвую породу, но и мелко нельзя — не доберешь урожай.

Несмотря на кажущийся хаос в расположении слоев, при внимательном рассмотрении обнаруживается определенный их порядок, по которому восстанавливается картина прошлого. Так, р. Съезжа в каменноугольный период протекала по территории немного западнее Котлованского сельсовета. Старое русло было под Княземом на глубине 70-ти м. Затем один из ледников сдвинул его на восток под Фоминское и приподнял на 14 м мощным глиняным валом. Последующее оледенение вызвало новое смещение русла следующим глиняным валом на современное место. Что-то подобное происходило и с р. Мстой. Миллион лет назад Мста протекала там, где теперь находится цепочка озер: Званка, Кадиче, Моринец, Лука, Званица, Карасино, Свирка, Дмитровское, Яминец, Велье, Бобрище, Максимовское. Под ними, на глубине примерно 60-ти метров лежит мощный 6—12-метровый слой песка, созданный древним руслом Мсты. Во времена оледенения мощная морена стала перекрывать русло, и река вынуждена была перемещаться на запад. Перекрытие русел моренами в свое время испытали реки Волчина и Меглич. На Волчине благодаря моренным плотинам образовались озера Грибно, Маги, Пальцево (Желебно), Сестрино, Волчино, Рогозно, Перхово. А на Мегличе — озеро

Молдино. На поверхности древнего карбона существовала глубокая впадина на том месте, где теперь расположено озеро Удомля. Только она была больше Удомли и смещена к северу. Ледник песчано-глиняным валом сдвинул эту впадину на нынешнее место и расставил на берегах живописные холмы, обрисовал заливы и острова.

Звучание души народной услышал в балалайке исполнитель-виртуоз и композитор В.В. Андреев

15 января т. г. исполняется 135 лет со дня рождения Василия Васильевича Андреева — нашего земляка, создателя первого Русского оркестра народных инструментов, великолепного исполнителя-виртуоза и композитора.

К великому сожалению, андреевские юбилеи на его земле, похоже, — не в почете. Человек, отдавший не только все свои силы, но и саму жизнь пропаганде русской национальной музыки, услышавший в нехитрой трехструнной балалайке величественное звучание народной души, сумевший ввести ее в светские салоны, почему-то оказался за пределами интересов лиц, официально-ответственных за развитие культуры. Андреевские юбилеи отмечают в Бежецке, где он родился, но не в Удомельском районе, где он прожил всю жизнь.

Что такое, например, жизни Андреева Молдино? Если коротко, то Молдино составляло часть жизни великого музыканта, как и Петербург. А если сказать попространнее, то Молдино было источником вдохновения, питательной средой, на которой росло творчество Василия Васильевича. Здесь был его дом, небогатый, но хлебосольный, с родной мамой, дорогими деревенскими ребятами, с которыми вместе рос. Это здесь Андреев впервые услышал балалайку и увлекся ею на всю жизнь. Это здесь он создал мастерскую музыкальных инструментов, давшую ему возможность совершенствовать балалайку и домру до оркестрового уровня. Здесь же Андреев нашел не менее великого мастера — С.И. Налимова, русского Страдивари. Так его звали иноземные мастера, признавая за ним высшую способность творить необычных по звучанию инструменты. Здесь Андреев «оранжировал», как говорил М.И. Глинка, слышанные молдинские мелодии в блестящие оркестровые произведения для народных инструментов. Здесь Андреев работал и отдыхал, работая. В Молдино он привозил своих оркестрантов на лето и занимался с ними совершенствованием ансамбля. Сюда, в Молдино, шла большая почта с письмами любителей русской национальной музыки, композиторов-профессионалов, пытавшихся использовать богатство звучания народного оркестра в крупных музыкальных произведениях. С ним в Молдино приезжал Ф.И. Шаляпин, о чем знают немногие земляки. Это здесь, в Молдине, В.В. Андреев на свои деньги построил начальную школу. Здесь же похоронена и его мать, Софья Михайловна, энергичная, образованная, много вложившая в становление сына как человека и музыканта. Вот чем было для Андреева Молдино!

Я пишу о Молдине, а подразумеваю деревню Марьино, которая уже в последнее время слилась с селом и превратилась в молдинскую улицу Победы. Теперь все права и обязанности на андреевское наследие получили молдинцы. Но Молдино не стало ни музыкальным, ни мемориальным андреевским центром. Усадьба сгорела еще в 1920 году. Школа, построенная Андреевым, приходит в упадок, и скоро даже восстанавливать будет нечего. Единственная мемориальная доска на сельском Доме культуры напоминает о нашем земляке, великом организаторе и удивительном музыканте и композиторе.

В Удомельском краеведческом музее есть материалы Т.И. Бурьковой и В.К. Сабининой с воспоминаниями об Андрееве. Автору этой статьи несколько лет назад удалось взять интервью у последнего живого человека — П.И. Виноградова, который был

лично знаком с Василием Васильевичем. К сожалению, местный краеведческий материал об Андрееве на этом и заканчивается. Много из андреевского наследия погибло в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. Время идет, увы, уходят в мир иной люди со своей памятью, своими впечатлениями и вкусами. Что ушло бесследно, к сожалению не восстановить.

Но остались Молдино и Марьино, великолепное Молдинское озеро и Грановский лес, где звучала андреевская музыка, где она, собственно, и зарождалась. Она и сейчас, кажется, звучит в окрестностях в шуме ветра и шорохе волн, в естественном сочетании звуков, которые бесконечно рождает наша природа. Давайте все-таки будем патриотами и отметим 135-летие со дня рождения нашего знаменитого земляка. Говорят, нет денег. Давайте попробуем без денег, но с обязательным участием в таком важном мероприятии районных руководителей культуры, музыкальных школ и наших энтузиастов-краеведов, влюбленных в родную землю и бесплатно работающих на ее благо. Может быть, можно успеть пригласить и тех музыкантов, которые недавно жаловались, что «им нет места под солнцем»?

В Молдине есть прекрасный Дом культуры. Там же найдется экскурсовод по андреевским местам и лектор по андреевской тематике. Единственное, что потребуется, – это автобус или автобусы для гостей. С этого и начнем, а потом уж будем ежегодно закреплять доброй традицией этот андреевский праздник торжества народной музыки, сделаем его популярным, громким, чтоб – на всю область, но с непременно проведенным его в Молдине. Это будет прекрасно!

От составителя: - К настоящему времени стараниями удомельских краеведов в Молдинском краеведческом музее создана экспозиция о Василии Андрееве, средней сельской школе присвоено имя композитора, при удомельском ДК образован оркестр русских народных инструментов «Заигрыш» - лауреат и участник многих музыкальных конкурсов. А с 2011 года в Удомле и Тверской области регулярно проводится Международный фестиваль народно-инструментальной музыки «Андреевские дни» с участием российских и зарубежных коллективов.

Река Съежа

О реке Съеже у нас знают почти все. Она протекает через четыре сельских округа и собирает воду с третьей части района. А начинается она у села Стан, где из уютного залива озера Удомля, как в горловину огромного сосуда, втягивается вода в реку, которую еще в древние времена новгородские словене называли Съежей. Кажется, чего проще, Съежа — значит, по ней съезжали, съезжая река. Впервые я засомневался, когда подумал, что по этой реке не только съезжали, но и въезжали. Почему же предпочтение дано только одному направлению? По любой реке можно съезжать и въезжать, а название такое досталось только одной нашей Съеже. И пока я думал над этой загадкой, судьба предоставила мне возможность проплыть по Съеже от ее истока до устья, и то, что я сейчас расскажу, не досужий вымысел, а сведения, добытые в трудном шестидневном путешествии.

Полна загадок река. Первая из них — направление течения: по логике, река должна течь сверху вниз, с возвышенности в низину. А у Съежи — наоборот. С открытой равнины, где среди низких берегов плещутся волны озер Песьво и Удомля, река почему-то упорно течет на северо-запад, где поднимаются холмы и целые хребты, возвышающиеся над речной водой на десятки метров, и всей своей не ахти какой силой «прогрызает» себе среди них дорогу, создавая живописные кручи берегов и настоящие

ущелья. Только на Стану река перескочит плотину, которую поставили строители КАЭС и дойдет до Акуловских сопок, как сразу врывается в гору. Справа поднимаются вышеупомянутые сопки, а слева громоздится настоящий крутой, на котором когда-то стояла деревушка Юрьева Горка и продолжает стоять дер. Васильево. Затем берега постепенно снижаются. А в Порожках они снова взлетают вверх, заросшие крапивой, с бесстрашными баньками над водой. Выйдя из Островенского озера, Съежа снова ныряет в ущелье, интересное тем, что в маловодье в нем обнажаются огромные валуны, течение ускоряется, и плывущие имеют «шанс» быть посаженными на них. Перед Котлованом берега опускаются почти до уровня воды, у дер. Комарно снова поднимается и так до самого устья: то врезаясь в возвышенности, то разливаясь широкой, заболоченной, с обильными покосами долиной.

Геологические разрезы, построенные по материалам бурения артезианских скважин, показывают, что Съежа и миллион лет назад текла в том же направлении из того же озера. И в те далекие времена место, занимаемое Удомлей, было водоразделом между двумя великими бассейнами. Затем пришли ледники. Они четырежды напоздали на нашу землю, медленно смещали горы каменистого грунта, изменяли рельеф, поднимая новые возвышенности, вырывая новые долины. Огромные валы глины немного сдвигали русло Съежи, но текущая вода продолжала пробивать себе дорогу на северо-запад. Сейчас Съежа, пройдя примерно 70 км, выносит удомельские воды в полноводную реку Уверь, которая в свою очередь примерно через 15 км впадает в могучую Мсту. Я говорю

«примерно», потому что невозможно измерить все капризные изгибы реки на равнине, где один километр по карте, превращается в 2-3 км по воде. Вытекая из озера Удомля с высоты 154 м над уровнем моря, Съежа заканчивает свой путь на высоте 131 м, то есть опускается на 23 м — высоту восьмизэтажного дома. В этом, очевидно, и заключается отгадка упорного стремления реки прорываться через горы в давно выбранном направлении.

Вторая загадка: на всем протяжении у реки нет пляжей, мелководья, отлогих берегов. Съежа — как канава. Вы с берега делаете шаг и сразу попадаете на глубину, пусть и небольшую, но неожиданную. И еще — песок в реке какой-то грязный по цвету и на ощупь. И так — на всем ее протяжении. Эта загадка тоже разгадывается, если вспомнить, что река совсем недавно, каких-то 14 тысяч лет назад, постоянно заваливалась ледниковыми массами и была вынуждена без конца рыть и восстанавливать свое русло. Она просто не успела сформировать саму себя и далее не успела промыть свои пески от более мелких, загрязняющих их частиц.

Наконец — загадка в названии. Огромные котловины между горами в долине реки и незаконченная работа по формированию долины и русла наводят на мысль, что в недалеком прошлом Съежа представляла цепь озер. Эти бывшие озерные долины и сейчас видны: долина между Станом и Акуловскими сопками, громадное понижение от Стенецкого до озера Островно, не менее огромная луговина с болотами между Котлованом, Комарно и Мишугами, включая озеро Ульстим, болота в низовьях реки. Об этом же говорят археологи, которые обнаружили на озере Удомля древний урез воды на два метра выше современного уровня воды до строительства КАЭС. О подпруженности реки в недалеком прошлом говорит и название деревни Порожки, которая 500 лет назад называлась просто Порог. В результате жившие в древности люди видели перед собой не столько текущую, сколько стоячую воду, соединенную с нижележащими стоячими водами короткими речками. У вепсов, когда-то живших на удомельской земле, есть слово «сиижуй» — стоячий, стоячая. Не они ли первыми назвали нашу центральную районную речку таким словом, очень похожим на русское «съезжая»?

Съежа сыграла огромную роль в развитии удомельских земель. Во-первых, это был удобный путь во времена освоения Великим Новгородом новых земель. Во-вторых, здесь были обнаружены удобные, сравнительно плодородные угодья, которые вскоре захватила Новгородская церковь, мощная организация внутри Новгородского государства. Не зря при присоединении Новгорода к Москве Иван III взял Удомлю в личное владение, как наиболее лакомый кусочек. Съежа близко подходит к рекам Каспийского бассейна, и, когда недруги Новгорода перекрывали традиционные водные пути по Мсте, Ловати, прерывая поставки хлеба, новгородцы шли Съежей на тайные волоки в Удомле, и пробирались на Мологу, по которой попадали в хлебные края.

Дивные дела творились вокруг Съежи, а она продолжала незаметную тысячелетнюю работу по прокладке русла в избранном направлении. И не свернет она с этого направления еще многие миллионы лет, пока титанические силы недр Земли или человеческое безумие не встанут на ее пути.

Административная быль земли Удомельской

Удомельская земля на рубеже I и II тысячелетий оказалась на территории Новгородской республики и, возможно, впервые стала кому-то обязана платить дань, на кого-то работать, нести воинскую службу. Первыми административными единицами на нашей земле были погосты. Сначала это были центры сельской общины, затем - центры торговли и сбора дани, центры управления территорией. В этих центрах, где всегда былолюдно, стали ставить церкви, и тогда погост становился и религиозным центром. По летописям, история создания погостов представляется как история колонизации территории. К концу новгородского периода на удомельской земле располагались полностью или частично 14 погостов. Центрами их и местами расположения церквей были:

1. с.Илово
2. с.Млево
3. с.Стан
4. с.Кузьмино (около д.Голубково)
5. с.Молдино
6. с.Еваново (Еремково)
7. с.Олисово (Мушино)
8. пог.Ильинский (около д.Жеребцово)
9. с.Липны
10. пог.Спас-Ульстим (около д.Маслово)
11. с.Дубровское (Венецианово)

Частично заходили на удомельскую территорию:

12. Сеглинский погост (ныне Озеро-Горский округ)
13. Костовский погост (северо-восток Зареченского округа)
14. Осеченский погост (юг Таракинского округа).

Погосты входили в более крупные административные единицы — пятины. Новгородские земли вокруг оз.Ильмень делились на 5 пятин. В пятинах не было административных центров. Все они находились в Новгороде. Каждая пятина была связана с отдельным городским районом — концом. Удомельская территория входила в Бежецкую пятину, связанную в свою очередь с Горончарским или Гончарным концом Новгорода Великого. Рудиментами еще более древних административных единиц — сотен (ста) остались так называемые полупятины. Наша полупятина называлась Тверской — по направлению от Новгорода на Тверь. В хозяйственном отношении территория делилась на владения — волости и волостки, например: волость Удомля владыки Новгородского, волостка Мушино Яковлевская Дементьевича Лунева, волостка Бряково Никитинская Грузова и т.д., включая в название местность и имя владельца.

В XVI в. устанавливается новая административная единица - уезд, имеющая до этого длительную эволюцию, начиная с территории, с которой князь с дружиной собирал дань. Уезд стал связываться с городом. Удомельская земля попадает в Новгородский уезд.

В 1708 г. Петр I "для всенародной пользы" разделил Российскую империю на 8 губерний. Удомельская территория попадает в Ингерманландскую губернию, вскоре из-за трудности произношения иностранного слова на русский лад переименованная в

Петербургскую. В 1719 г., после раздела губерний на провинции, Удомля оказалась в Новгородской провинции. В 1727 г. возникла Новгородская губерния, куда попадает и Удомля, оставаясь в Новгородской провинции.

В 1770 г. поселение Вышний Волочек получает статус города, а в 1772 г. становится уездным городом, центром одноименного уезда. Удомля входит в этот уезд. В 1796 г. образовалась Тверская губерния, в которую вошел Вышневолоцкий уезд.

В 1861 г. внутри уездов образованы волости, теперь уже не владения, а административные единицы. Вначале волости делились на два вида: волости государственного имущества, куда входили селения вольных хлебопашцев и государственных крестьян: Паношинская, Казикинская, Макаровская; волости временнообязанных: Лугининская, Парьевская, Макаровская, Займищенская, Грибенская, Удомельско-Рядская, Верляйская, Кузьминская, Овсищенская, Млевская. Учитывая сложности управления волостями, расположенными черезполосно, по сословному признаку, в 1870-е годы была проведена новая административная реформа: границы волостей устанавливались по территориальному признаку. После этого в Вышневолоцком уезде стало 25 волостей, а на удомельской земле полностью разместились 5 волостей: Казикинская, Михайловская, Удомельско-Рядская, Кузьминская, Поддубская; и частично 4 волости: Парьевская, Макаровская, Лугинская и Овсищенская, просуществовавшие около 60 лет.

После Октябрьской социалистической революции в деревнях стали создаваться сельские Советы — низшие звенья Советского государства. В сельский Совет, как правило, входило несколько сельских общин, принадлежавших одной волости. В своей работе они были подотчетны Волисполкому. Так в Казикинской волости в 1920 г. было 10 сельсоветов, в Кузьминской — 17, в Макаровской — 12, из них на удомельской территории — 8, в Михайловской — 15, Овсищенской — 20, из них удомельских — 10, в Парьевской — 9, из них удомельских — 7, в Поддубской — 14, и в Удомельско-Рядской — 20. Всего на современной территории района насчитывалось около 100 сельсоветов. Мы говорим — примерно, потому что число их постоянно менялось: власть искала наиболее рациональный размер территории сельсовета.

В 1922 г. постановлением Тверского губисполкома Михайловская волость вошла в состав Удомельско-Рядской, а Овсищенская волость — в Осеченскую.

В 1924 г. волости были укрупнены, после чего на удомельской территории стали Брусовская, Казикинская, Кузьминская, Парьевская, Овсищенская и Удомельско-Рядская — всего 6 волостей.

В 1929 г. постановлением ВЦИК вводится административно-территориальное деление краевого и областного подчинения. Территория Тверской губернии была разделена на округа, из которых Бежецкий, Кимрский и Тверской отошли к Московской области. Округа же в свою очередь делились на районы. 15 июня 1929 г. постановлением ВЦИК “О составе округов и районов Московской области” были определены границы и центры районов. А 16 августа 1929 г. уже началось первое заседание Удомельского райисполкома. Эту дату и следует принимать, как дату создания Удомельского района. В это время в районе было 33 сельских Совета.

В августе 1930 г. были ликвидированы округа, в т.ч. и Тверской, в который входил наш район. С этого момента Удомельский район стал в непосредственном подчинении Московского облисполкома.

Интересно, что ликвидировав уезды и создав районы, на некоторое время оставили волости, но почему-то тоже названные районами. Таким образом, наш район некоторое время сам состоял из районов: Парьевского, Удомельского, Кузьминского, Брусовского, Казикинского и Овсищенского. Вскоре после ликвидации волостей исчезли и районы в районе. К концу 1932 г. в районе уже было 66 сельсоветов.

25 января 1935 г. была организована Калининская область, в состав которой вошел Удомельский район. Границы его с того времени во многом сохранились до наших дней, за

исключением территорий Пономаревского и Подсосенского сельсоветов, отошедших к Максатихинскому району, и Починковского и Карзовского сельсоветов, отошедших к Вышневолоцкому району.

В августе 1936 г. из Удомельского и Максатихинского районов выделен Брусовский район, в который из Удомельского отошло 22 сельсовета или ровно третья часть. В течение пяти лет продолжается укрупнение сельских советов. В Удомельском районе их число с 44 доводится до 30:

1. Быковский
2. Грибенский
3. Дерягинский
4. Доронинский
5. Дягилевский
6. Захаровский
7. Иловский
8. Князевский
9. Копачевский
10. Лайковский
11. Липенский
12. Матренинский
13. Млевский
14. Мстинский
15. Мушинский
16. Ножкинский
17. Озеро-Горский
18. Октябрьский
19. Пашневский
20. Перховский
21. Рогознинский
22. Рудеевский
23. Сухаревский
24. Старорядский
25. Удомельский
26. Учениковский
27. Юринский
28. Юрьево-горский
29. Хмелевский
30. Яковлевский

В Брусовской части из 22 сельсоветов создано 11:

1. Анкудинихинский
2. Березновский
3. Брусовский
4. Дубровский
5. Еремковский
6. Зареченский
7. Лугинский
8. Михалевский
9. Молдинский
10. Поддубский
11. Шишеловский

14 ноября 1960 г. Брусовский район, просуществовавший 24 года, упраздняют, и

Удомельский район восстанавливается в границах 1936 г. Это было естественно, потому что живые хозяйственные и человеческие связи, бывшие и укреплявшиеся в течение еще существовавшего уезда, не могли быть разорваны без негативных последствий. Но 1 февраля 1963 г. Удомельский район ликвидируется, а его территория включается в Бологовский район, который до 1935 г. входил в состав Новгородской губернии, а затем Ленинградской области. Между Удомлей и Бологое устойчивых связей не существовало, даже дорог между ними не было, кроме железной дороги. Несуразица такого объединения обнаружилась сразу, и менее чем через 2 года, 12 января 1965 г., Удомельский район был восстановлен.

В предвоенное и военное время единственной формой хозяйственной деятельности в сельском хозяйстве были колхозы. В Удомельском районе их насчитывалось свыше 200, а в Брусовской части - 86. Война и послевоенный отток населения из района, искусственное сокращение т.н. неперспективных деревень привели к резкому сокращению числа населенных пунктов и сельского населения. Концентрация сельскохозяйственного производства в огромных по территории, но со скромными площадями сельхозугодий в распоряжении отдельных предприятий, привело к сокращению не только числа предприятий, но и числа сельских Советов. В настоящее время в районе всего 15 сельских Советов или по-нынешнему - сельских округов:

1. Брусовский
2. Верескуновский
3. Еремковский
4. Зареченский
5. Копачевский
6. Котлованский
7. Куровский
8. Липенский
9. Молдинский
10. Мстинский
11. Озеро-Горский
12. Порожкинский
13. Рядский
14. Таракинский
15. Удомельский

Административное деление производно от общественно-производственного уровня народного хозяйства территории, от уровня социально-экономического развития общества. В средневековье достаточно было погостов и землевладельцев, чтобы управлять населением. С петровских времен потребовались губернии и уезды, чтобы не только управлять, но и держать под контролем каждую душу, с: целью использования ее на благо державы. Позже в административные задачи вошло и духовное воздействие на все сословия с целью формирования единого общественного сознания под лозунгом "самодержавие, православие, народность". С освобождением крестьян в 1861 г. стала осуществляться идея местного самоуправления через его низшие звенья: сельские общества и волости.

При советской власти, когда идея самоуправления на новой основе, без вмешательства эксплуататорских классов, должна была включить в активную общественную деятельность каждого крестьянина, появилось новое звено - сельский Совет. Некоторое время он существовал в старой системе волостей и уездов, но в результате многочисленных проб и ошибок выработалась более рациональная в условиях социалистического строительства система административного управления: сельский Совет (округ), район. Все административные преобразования исходили из естественных потребностей совершенствования управления. Если же такой потребности не было, а

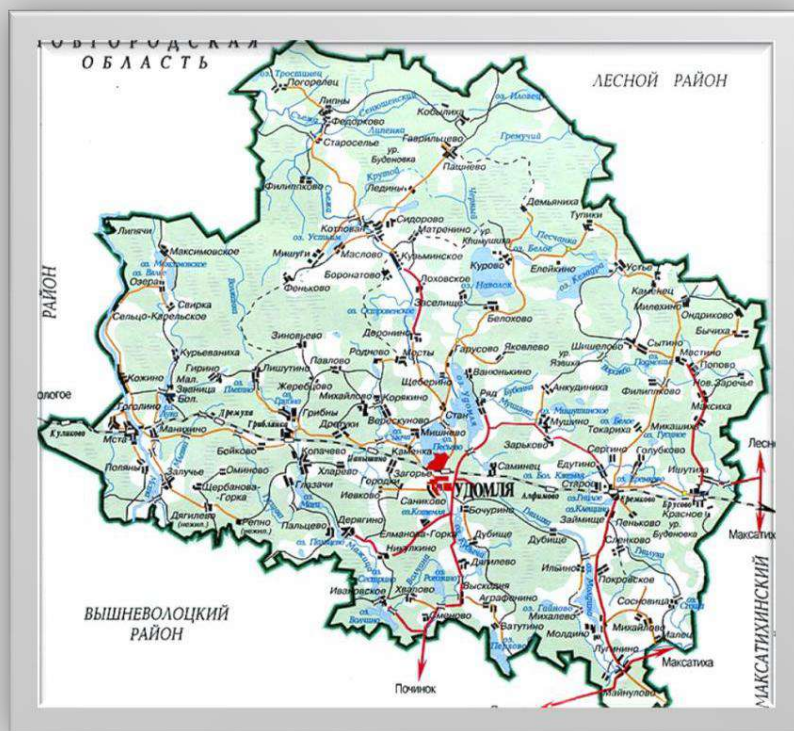
изменения происходили ради самих изменений, когда административный зуд что-то ломать, а не строить заносил чиновников в сферу естественных хозяйственных связей, наносился огромный ущерб государству, начиная с самого правительства и кончая рядовыми членами общества. Сейчас в воздухе витает кем-то запущенная идея новой перекройки административной карты России. Страшно подумать, какие беды обрушатся на страну, увеличив управленческую неразбериху, правовой беспредел, еще больший расцвет криминала, в то время, когда нынешние правители до сих пор не разобрались с устройством придуманного ими государства и никак не вылезут из тех завалов, которые натворили на развалинах прежнего.

Исторический опыт говорит, что даже естественные контуры различных административных образований устойчивы и способны к самовосстановлению. Например, северная граница нашего района существует, сколько ее ни пытались менять, свыше 200 лет, а западная граница его существовала в новгородские времена между пятинами и возможно скоро отметит свой 1000-летний юбилей.

Все должно быть естественным и всякие преобразования на административном уровне должны исходить из естественных потребностей управления, потому что, как ни крути, противное исчезает, а естественное возвращается в свои многовековые границы.

От составителя: - Современная карта Удомельского района

Слободка

Межозерье Удомли и Песьва примечательно стоящей там, как маяк, Троицкой церковью Иоанна Богослова. До 1764 г. здесь был Удомельский Иоанно-Богословский монастырь. Он когда-то обосновался на острове между озерной протокой на западе и болотистой низиной на востоке. С севера синело Удомельское озеро, с юга сверкало озеро Песьво. Монастырь впервые упоминается в 1551 г. Он владел двумя деревнями: Ортемовом, расположенным на полуострове Пахотном на Песьве, и Бачурином на берегу Удомельского озера между Троицей и Лубенькином. Эти деревни упоминаются и раньше, в 1478 г., когда Бачурино имело два двора. Упоминается также «от озера Удомля рядок Юшкова десятка». В 1551 г. в писцовой книге записано: «У озера у Удомля рядок Юшкова десятка дворов в нём из пустыми 12, а беж 15...».

В 1583 г. – «да в Удомле ж на рядку непашенных имеется 10 дворов». Речь, кажется, идёт об одном и том же рядке Юшкова десятка: в обоих упоминаниях он связан с озером Удомля и Монастырём, количество дворов в рядке (12 или 10) близки, тем более что 12 дворов считалось вместе с пустыми.

Кроме того, «у монастыря ж на церковной земле на монастырской торговые люди изставили лавки...и всех лавок, анбаров и прилавков - 33... да у тех лавок и житниц дворишко гостиное торговых людей на приезд». Торговые люди как раз и были причиной появления рядка – поселения с неземледельческим населением. Рядок упоминается на монастырской земле, а монастырские земли «сошлись смежно с помещичьими землями Степана Алексеевича Аракчеева (пустошь Лубенькино) и Панфила и Данила Иевлевых, детей Аракчеевых (с деревней Горкой и пустошью Погорельцем)». Таким образом, границы монастырских земель (1583г.) очерчены достаточно точно, чтобы определить, что лежали они между озёрами, с юга ограничены примерно сбросным каналом (пустошь Погорелец), с востока – болотом между Лубенькинским лесом и современной бетонной дорогой. По неполным данным, у монастыря в 1651 г. на этой земле было примерно 45 десятин пашни. К 1651 г. деревни Ортемово и Бачурино превратились в пустоши. Около Бачурина, которое упоминается как «пуста», всего вероятнее и появился рядок с «непашенными» людьми с торговыми лавками и гостинным двором. За тем ни рядок, ни какие-либо деревни в документах длительное время не упоминаются. Возможно, что рядок, находившийся на монастырской земле, считался частью монастыря, и больше не упоминается как самостоятельная хозяйственная, тяговая величина.

В 1727 г. Указом Петра II было велено «...рыбные ловли... отдать самим владельцам вечно, без перекупки в архиерейских и монастырских вотчинах тех вотчин старостам и крестьянам». Это означало, что часть монастырского владения переходила в руки старост и крестьян, живших на монастырской земле. Так постепенно складывалось монастырское крестьянство, которое ещё занималось и торговлей.

В 1741 г. упоминается село Удомля, где жила дворянская жена Евдокия Михайловна Сипягина. Это ей виделось чудо от Чудотворной иконы святого Николая, о чём писал в своё время бежецкий летописец Воинов. А её супруг – дворянин Алексей Сипягин – был связан с монастырскими делами. Новая загадка: где было село Удомля?

В 1764 г. произошла екатерининская реформа, по которой ограничивалось землевладение монастырей, а мелкие, «заштатные» монастыри закрывались и обращались в приходские церкви, если имевшиеся храмы были ещё не очень ветхи. Последней участи

подвергся и Иоанно-Богословский Удомельский монастырь. Монастырские же крестьяне перешли в разряд экономических, а вскоре слились с государственными. Это были землевладельцы, свободные от помещичьей кабалы и по отношению к помещичьим крестьянам были более свободными, а в народном понятии – совершенно свободными. И жили они в слободах (от слова «слобода» - «свобода») – село свободных людей. Так в 1859 г. появляется Троицкий погост (3 двора 15 жителей) и Удомельская слобода (12 дворов 113 жителей). Слобода имела ещё одно, очевидно, отживающее название – Скотный двор. Почему он так назывался?

Сейчас ещё не все документы найдены, не все исторические загадки разгаданы, но по приведённому материалу выстраивается определённая гипотеза, которая, вероятно, многое ставит на своё место в Удомельской истории.

Итак, Удомельский рядок располагается на юго-западном берегу оз. Удомля. Место, удобное для торговли: сюда по воде съезжались покупатели прибрежных деревень, расположенных на удомельских озёрах, не исключено, что здесь был центр обслуживания тайных волоков из Удомли в Волчину ещё в Новгородские времена. Рядок, не имевший постоянной загрузки волоковым промыслом, занимался и хлебопашеством. Так как он впоследствии оказался на монастырской земле, о нём в записях того времени не упоминают, потому что монастырские земли были «нетягловые», т.е. не платили подати, а всё, что было на этой земле, обьязано было платить монастырю. Когда волоковый промысел отмер окончательно, рядок стал чисто земледельческим и превратился в село при Троицкой церкви. А так как село было отделено от погоста расстоянием примерно около одного километра, оно получило самостоятельное название Удомля, по озеру. Какое-то время село было процветающим. В нём даже была дворянская усадьба. Но у села были ограниченные земельные угодия, из-за чего дворяне, в конце концов, съехали на более просторные земли. Село же продолжало быть монастырским, где были не только крестьянские дворы, но и монастырские постройки, в том числе и скотные дворы. У самого монастыря просто не было иного места для размещения своего хозяйства.

После секуляризации монастырское хозяйство исчезло. У церкви, на погосте стали селиться торговые люди, стало образовываться новое небольшое поселение со статусом села, названное Троицей в память об одной из трёх монастырских церквей – Живоначальной Троицы. А село Удомля, окончательно отделённое от церкви, превратилось в деревню со свободными жителями – Слободку, но не простую, а Удомельскую, в память о селе Удомля.

В 1886 г. в Слободке – уже 24 двора и 153 жителя. Деревня бурно пошла в рост. Этому способствовало её центральное положение в Удомельско-Рядской волости. Первоначально были образованы волости Удомельско-Рядская с центром д. Ряд и Паношинская с центром в д. Паношино. Первая была волостью временно-обязанных крестьян, вторая – волостью Государственного имущества, к которой относились деревни вольных хлебопашцев. В 1870-е годы волости были объединены в одну Удомельско-Рядскую с центром в Удомельской Слободке. В 1898 г. здесь открывается церковно-приходская школа. Если к этому прибавить, что Слободка оказалась на тракте Удомля - Котлован, то можно представить условия, благоприятствующие экономическому и духовному росту деревни. Правда, ограничения в пользовании землёй из-за расположения между озёрами сдерживали рост деревни. Так, в 1900 г. в Слободке насчитывается 21 двор со 128 жителями, в 1911 г. – 23 двора с 139 жителями.

Слободка отличалась от других деревень спокойным нравом, сдержанностью. Здесь не дрались, не кричали, не безобразничали. Ребятишки, по-моему, даже в чужие огороды не лазили. Все всегда были при деле. Поля были близко, и крестьяне не опаздывали являться домой. Не было спешки: всё рядом, до всего дотянешься рукой – два озера, большая дорога, станция и районный центр, и даже церковь с кладбищем.

Главная улица деревни – Котлованский тракт, вымощенный булыжником. Перед войной машины редко ходили по этому тракту, и на нём всегда было тихо. На нём днём, в

летние каникулы, ребяташки играли в лапту, по вечерам, после работы, выходили более старшие – студенты и тоже играли в мяч. А потом на улицу выходили родители и садились под окнами своих домов, чтобы спокойно обсудить все деревенские и мировые проблемы. В их разговорах чувствовалась интеллигентность, пусть и волостного масштаба, но выделявшая их среди жителей других деревень. Сначала в Слободке был колхоз им. К.Маркса, состоящий из одной деревни. В середине 1930 г. к ним по доброй воле присоединился маленький колхозик с десятком хозяйств «Сатина Горка», который был в одном километре от Слободки. Колхоз жил справно и уверенно.

Деревня была расположена вдоль большой дороги. Направо от середины деревни под острым углом шёл переулочек к Удомельскому озеру. В нём стояли навес с весами, где тоже часто собиралась молодёжь, а у самого озера, тоже с левой стороны – кузница. От этого переулочка вправо шёл ещё один переулочек в сторону Лубенькина. На его краю был скотный двор. Это место и берег озера назывались Бачуриха, именем, сохранившейся в народной памяти давно исчезнувшей деревни Бачурино о двух дворах. На запад от деревни, за огородами и небольшой сырой низиной, заросшей ольхой, поднимался на два-три метра узкий, как насыпь, кряж, за которым открывался вид на залив Артемиха, сохранивший имя давно исчезнувшей деревни Артемово. С южной стороны деревни слева стоит до сих пор каркасное здание. Это ломбард. В него за небольшую плату крестьяне могли сдать свой хлеб на хранение до весны. Ломбард был построен в 1912 г. В северном конце слева стояла начальная школа, бывшая Троицкая церковно-приходская, справа – магазин и правление колхоза, по вечерам превращавшееся в клуб. Там же был и пожарный сарай, где в 1913 г. расположилась добровольная пожарная дружина.

Как во всякой русской деревне, здесь было много однофамильцев, связанных дальним и близким родством. Так, Смородиных было 4 двора, Львовых – 6, Бахваловых – 2, Огневых – 2, Зиминых – 2. А среди них по одному двору – Покровские, Кротовы, Гороховы, Никоновы, Ширяевы.

В 1939 г. нарушилась мирная жизнь Слободки. На финскую войну ушло несколько молодых мужчин, трое из них погибли, несколько вернулось инвалидами. Один из них, Алексей Андреевич Смородин, вскоре стал председателем колхоза. А первым председателем был Михаил Иванович Рыжанов. Тот самый председатель комбеда, который изображён на картине Моравова «Заседание комбеда». Вторым был Павел Арсеньевич Зимин.

Началась Великая Отечественная война, и в деревне всё перемешалось. Здешние здоровые молодые люди отправились на фронт, а в деревню прибыли эвакуированные из западных районов области и из Удомли, подальше от бомбёжек. А когда кончилась война, выяснилось, что много слободских жителей навсегда осталось на полях сражений. Если в 1940 г. здесь было 30 дворов со 149 жителями, то в 1958 г. – 25 хозяйств с 58 жителями.

С началом строительства Калининской АЭС в 1974 г. Слободка была обречена на снос. Она жила до последнего дня уже будучи бригадой совхоза «Труд». Люди сажали огороды, ловили рыбу, работали на полях, хотя уже было много и таких, кто мог только сидеть на лавочке и вспоминать свою молодость. В 1986 г. Слободки не стало. Жителей переселили в Ряд, где обещали построить современный агрогородок, и в Удомлю. Осталась улица опустевших домов, из которых вскоре вытащили рамы, и дома стали глядеть мертвецами с жуткими глазницами. Потом исчезли и дома. Только остался ломбард, единственная память о старой, не по своей воле умершей деревне.

Стан

На развилке дорог, там, где Съежа вытекает из озера Удомля, стоит старинное село с загадочным названием Стан. Говорили, что когда-то татары во главе с Мамаем стояли станом на этом месте, оттого, мол, так и поселение назвали. Однако обратимся к документам.

В 1478 г., когда удомельские земли от Новгородского владыки изымались в пользу Великого князя Московского, появилась опись передаваемых деревень. В ней сказано: «Волость Удомля. Погост. На погосте церковь Никола Святой». В писцовой книге обнаружена более подробная запись: «В Никольском Удомельском погосте стояла церковь Николы Чудотворца. Церковь имела свою землю, на которой было 5 дворов церковнослужителей и две деревни: Сельцо в один двор и Лука Никольская в два двора. Сельцом принято называть поселение с боярским домом». Далее следует поясняющая фраза о том, что на погосте был «двор приезжий волостеин да двор тиунский, без пашни оба». Волость управлялась волостелем – представителем верховной Новгородской власти, который приезжал сюда периодически и проживал, как видим, в приезжем доме. Тиун же — приказчик, судья и полицейский надзор в одном лице — жил здесь и правил волостью постоянно. Место, где была сосредоточена власть волости, и называлось Стан. Приезжий дом и дом тиуна как раз и были теми боярскими дворами, из-за которых поселение назвалось Сельцо, сельцо Стан. Такое название — не редкость. В XV в. только в Бежецкой пятине было 11 станов, а в XIX в. в Тверской губернии их насчитывалось 9. Так что татары с Мамаем здесь ни при чем. После проведения многочисленных административных реформ XVIII—XIX вв. слово «стан» стало означать территорию полицейского надзора во главе со становым приставом.

А Сельцо, вероятнее всего, было на том месте, где начинается современный Стан со стороны Удомли. С давних пор здесь по традиции жили священнослужители. До сих пор стоят дома Петропавловских, Никольских, и еще не заросло место дома Худякова. Деревня же Лукинская; или Лука, скорее всего, находилась там, где сейчас дорога Удомля—Курово, перемахнув через Съежу, поворачивает влево на поселок льнозавода. Здесь еще в 30-е годы стояли добротные крестьянские усадьбы. Для установления места этой деревни помогает запись 1572 года о том, что «между Порошком и Лукинском на р. Съеже деревня Юрьева Гора». Значит, сначала стояла д. Лукинская, а за ней — Юрьева Гора, которая до недавнего времени красовалась на вершине возвышенности по дороге на Котлован, в полукилометре от Стана.

Местоположение Стана, как центра огромной волости, обуславливалось наличием озер и р. Съежи, по которым вся лесная территория как бы связывалась в один узел у истока Съежи. К такому центру тянулись и «божьи» люди, и ремесленники, и торговый народ. Так с давних пор до 1764 г. на межозерной перемычке, на месте недавно исчезнувшего села Троица стоял Удомельский Троицкий Иоанно-Богословский монастырь. А около Стана — «монастырек убогий Пятница Святая... поставлен на монастырской земле, что Никола Святой в Удомле на Стану». Располагался он, вероятно, на западном берегу озера Удомля, южнее современного Стана, ближе к Троице. Монастырек исчез, скорее всего, в смутное время в XVII веке.

Привлекает внимание запись 1478 г.: «От озера Удомля рядок Юшкова десятка 23 двора, 15 обж», в котором 8 рядовичей жили без земли, занимались каким-то промыслом.

У Троицкого монастыря в это время торговые люди со Стану Удомельского Ольфер Логинов и Иван Никифоров имели торговые лавки. Не исключено, что рядок входил территориально в Удомельский Стан. Есть и место его возможного размещения на берегу оз. Удомля, восточнее Становского кладбища. Вот таким был Стан пятьсот лет назад.

В 1859 г. о нём записано: Стан I с 4 дворами и 24 жителями, Стан II с 3 дворами и 28 жителями и погост Удомельский Никола-Стан. В 1862 г. 21 апреля помещиком полковником Рихардом Яковлевым Зильманом подписана Уставная грамота общества Становского селений Юрьевой Горы и Стана по оброчному положению, по которому был установлен душевой надел в 4,5 десятины, а всего 162 десятины, потому что на Стану в то время было 15 оброчных душ и в Юрьевой Горе — 21. Кроме того, в погосте Никола-Стан было 4 двора с 14 жителями духовного сословия и 1 двор с 7 жителями мещанского сословия.

На погосте стояли две церкви. Богоявленская, каменная, постройки 1872 г. и Христорождественская деревянная, постройки 1730 г. Древняя церковь Святого Николы исчезла в XVII веке бесследно, хотя закрепились в названии села Никола-Стан.

Богоявленская церковь в 1935 г. была взорвана и пущена на кирпич для строительства средней школы в Удомле (ныне СШ № 1) и на другие объекты. Христорождественская церковь в начале века была разобрана и перевезена в Ряд, где вскоре сгорела. Погост имел 139 десятин земли, которые располагались между озером Удомля и шоссейной дорогой на участке от Троицы до Стана.

Интересно, что д. Лукино с двумя дворами и 6 жителями-крестьянами вдруг снова появилась в записях 1900 г. В 1886 г. Стан по-прежнему делился на I и II. В 1924 г. и до Великой Отечественной войны это деление сохранялось, но в 1958 г. значится только Стан, без деления, где было 30 хозяйств со 100 жителями.

Вообще-то Стан в довоенное время из-за своего «стратегического» положения был селом, разделенным на несколько частей. Старожилы насчитывали 4 части. Но время шло. Исчезли Стан рыбацкий или IV, стоявший на берегу оз. Удомля, и Стан II, что был за Съежей у моста. Стан оторвался от реки. Появились улицы вдоль шоссе на Котлован и Курово. Село стало иметь более упорядоченную застройку. В 1986 г. в селе осталось 25 хозяйств с 52 жителями. Пятьсот лет назад Стан был столицей огромной волости, в 1930-е годы — самостоятельным коллективным хозяйством «Красный Стан», теперь же это одна из бригад колхоза им. Мичурина, где добрая часть населения работает на Лубеньковском льнозаводе.

Вот такая история.

